

УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА

GOVERNANCE
AND
POLITICS

Vol. 2
№ 4
2023

Журнал

«УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА»

Governance and Politics»

Цель рецензируемого научного журнала «Governance and Politics» – публикация результатов исследований в области политической науки. Журнал сфокусирован на политической теории, проблемах и трансформации политических институтов и процессов, вопросах политической идеологии и государственного управления. G&P публикует рукописи высокого качества и новизны, охватывающие фундаментальные теоретические и эмпирические исследования в указанных предметных областях.

Журнал издается на русском и английском языках, преследуя цель интеграции международного академического политологического сообщества и развития научного диалога. Авторы из всех стран мира приглашаются к опубликованию в журнале результатов своих исследований. G&P охватывает широкую географию авторов и рецензентов, а также членов редколлегии.

Области исследований

- политическая философия / политическая теория
- история политической науки
- методология политической науки
- политические институты
- политические процессы и тенденции
- политическая культура и идеология
- политические конфликты
- государственное управление и государственная политика
- международная политика

Основатель и издатель

МГИМО МИД России
www.mgimo.ru

Язык

русский / английский

Редакция

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского 76
Факультет управления и политики
gp@inno.mgimo.ru

Официальный сайт журнала

<https://www.gp-mgimo.ru>

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии

Анатолий Васильевич Торкунов,
профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России, Россия

Главный редактор

Генри Тигранович Сардарян,
декан Факультета управления и политики МГИМО МИД России, Россия

Татьяна Александровна Алексеева,
профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России, Россия

Ван Вэнь,
профессор, декан Института финансовых исследований «Чунъян», Китайский народный университет

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина,
профессор, член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России; президент Российской ассоциации политических наук, Россия

Александр Жебит,
доцент, Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия

Марина Михайловна Лебедева,
профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, Россия

Рафаэле Маркетти,
профессор, проректор по интернационализации Свободного международного университета социальных наук «Гвидо Карли», Италия

Юрай Немец,
профессор, Масариков университет, Чехия

Леонид Владимирович Сморгун,
профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Россия

Арчана Упадауй,
профессор Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Индия

Августин Квази Фосу,
профессор, Университет Ганы, Гана; Университет Йоханнесбурга, Университет Претории, Южно-Африканская Республика; научный сотрудник, Оксфордский университет, Великобритания

Андрей Юрьевич Шутов,
профессор, декан Факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Редакция

Научный редактор **Оксана Геннадьевна Харитонова,** МГИМО МИД России, Россия

Выпускающий редактор **Денис Андреевич Кузнецов,** МГИМО МИД России, Россия

Ответственный секретарь **Юлиана Ников,** МГИМО МИД России, Россия

Верстка **Дмитрий Евгеньевич Волков,** МГИМО МИД России, Россия

Управление и политика

Governance and Politics

Aim and Scope

The aim of the Journal is to publish the results of research in the field of political science. The journal is focused on political theory, problems and transformation of political institutions and processes, political ideology as well as public administration. G&P publishes manuscripts of high quality and novelty covering fundamental theoretical and empirical findings in these subject areas. The journal is published in Russian and English, insofar as it considers integration of international academic political science community as its strategic purpose; it encourages international academic dialogue among political scientists. Authors from all over the world are invited to publish in the Journal the results of their research. G&P embraces a wide geography of authors and reviewers as well as the members of the Editorial Board.

Fields of Research

- political philosophy / political theory
- history of political science
- political science methodology
- political institutions
- political processes and trends
- political culture and ideologies
- political conflicts
- public administration and public policy
- international politics

Founder and Publisher

MGIMO University
www.mgimo.ru

Language

Russian / English

Editorial Office

76, av. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454
School of Governance and Politics

Official Website

<https://www.gp-mgimo.ru>

Editorial Board

Head of the Editorial Board

Anatoly Torkunov,

Professor, Full Member of Russian Academy of Sciences, Rector of MGIMO University, Russia

Editor-in-Chief

Henry Sardaryan,

Dean of School of Governance and Politics, MGIMO University, Russia

Tatiana Alekseeva,

Professor, Head of Department of Political Theory, MGIMO University, Russia

Augustin Kwasi Fosu,

Professor, University of Ghana, Ghana; University of Johannesburg, University of Pretoria, the Republic of South Africa; Research Associate, University of Oxford, the United Kingdom

Oxana Gaman-Golutvina,

Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Department of Comparatives Politics, MGIMO University; President of Russian Political Science Association, Russia

Marina Lebedeva,

Professor, Head of Department of World Politics, MGIMO University, Russia

Raffaele Marchetti,

Professor, Deputy Rector for Internationalization, Free International University of Social Studies Guido Carli, Italy

Juraj Nemec,

Professor, Masaryk University, the Czech Republic

Leonid Smorgunov,

Professor, Head of Department of Political Governance, Saint Petersburg State University, Russia

Andrey Shutov,

Professor, Dean of Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Archana Upadhyay,

Professor, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Wang Wen,

Professor, Executive Dean of Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China

Alexander Zhebit,

Associate Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Brazil

Editorial Staff

Scientific Editor **Oxana Kharitonova**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Publishing Editor **Denis Kuznetsov**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Executive Secretary **Yuliana Nikov**, MGIMO University, Russia

Layout **Dmitry Volkov**, Russia, MGIMO University, Russia

Содержание

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Об исторической взаимосвязи парламентской и гуманитарной дипломатии	8
<i>Е.С. Громогласова</i>	
Перспективы гуманитарной дипломатии стран БРИКС в Латинской Америке после расширения группы.....	24
<i>В.А. Дмитриева</i>	
Малые государства Европы на международных переговорах (на примере стран Бенилюкс)	37
<i>А.А. Посаженникова, М.М. Лебедева</i>	

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Проблемы и издержки ретрансляции гуманитарной политики в условиях цифровой неопределенности	53
<i>Ю.Ю. Колотаев</i>	
Туристическая отрасль после COVID-19 и санкций.....	68
<i>Бхагьядхар Сети, Малини Права Сети</i>	
Информация для авторов.....	81

Contents

INTERNATIONAL POLITICS

On Historical Relationship between Parliamentary and Humanitarian Diplomacy.....	8
<i>Elizaveta S. Gromoglasova</i>	
Prospects for Humanitarian Diplomacy of the BRICS Countries in Latin America after the Expansion of the Group	24
<i>Valentina A. Dmitrieva</i>	
Small States of Europe in International Negotiations (Case of Benelux Countries)	37
<i>Anastasia A. Posazhennikova, Marina M. Lebedeva</i>	

PUBLIC ADMINISTRATION

Problems and Issues of Humanitarian Policy Representation in the Era of Digital Uncertainty.....	53
<i>Yury Y. Kolotaev</i>	
Travel Industry after COVID-19 and Sanctions.....	68
<i>Bhagyadhar Sethy, Malini Prava Sethi</i>	
Brief Author's Guide	81

Об исторической взаимосвязи парламентской и гуманитарной дипломатии

Е.С. ГРОМОГЛАСОВА¹

Аппарат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (Россия)

Аннотация

В статье проанализированы подходы к определению парламентской и гуманитарной разновидностей дипломатического сотрудничества. Показано, что институционализированное межпарламентское сотрудничество начинает развиваться с последней четверти XIX в., в то время как примеры влияния парламентариев на внешнеполитический процесс в своих странах можно проследить еще ранее, по меньшей мере, со времен Великой французской революции. Выявлено, что ранние формы воздействия парламентариев на выработку внешней политики своих стран опирались на гуманистические аргументы и апеллировали к чувству гуманности. Гуманитарная направленность зарождающейся парламентской дипломатии последней трети XIX в. объяснена факторами развития средств массовой информации и роста влияния общественного мнения на внутреннюю и внешнюю политику европейских национальных государств. На примере истории учреждения Международного комитета Красного Креста и Межпарламентского союза раскрыто сходство первоначальных организационных форм парламентской и гуманитарной дипломатии. И та, и другая разновидности дипломатического взаимодействия учреждались на многосторонних конференциях. Заключительный раздел статьи посвящен рассмотрению истоков российской парламентской и гуманитарной дипломатии. Показано, что Россия играла активную роль в развитии этих форм дипломатического взаимодействия. В целом, сделаны выводы о целесообразности учета акторного и организационного измерений при определении понятия парламентской дипломатии, существенном влиянии парламентской дипломатии как дипломатии многосторонних конференций на развитие сотрудничества государств в XX в., структурной и исторической обусловленности тематического сходства межпарламентского сотрудничества и гуманитарной дипломатии.

Ключевые слова

парламентская дипломатия, гуманитарная дипломатия, Международный комитет Красного Креста, Межпарламентский союз, Россия

¹ **Громогласова Елизавета Сергеевна** – к.полит.н., помощник депутата Государственной Думы, Аппарат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, 103265, г. Москва ул. Охотный Ряд, д. 1, Россия. E-mail: Gromoglasovaes@duma.gov.ru

Для цитирования

Громогласова Е.С. (2023). Об исторической взаимосвязи парламентской и гуманитарной дипломатии. *Управление и политика*, 2(4), С. 8–23. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-4-8-23

Два подхода к определению парламентской дипломатии

В России интерес к парламентской дипломатии высокий, как со стороны самих парламентариев², так и кадровых дипломатов. При этом она часто определяется как относительно новый феномен. Рост значимости законодательных органов государств в повседневных межгосударственных отношениях (Межпарламентские институты в мировой политике, 2020) и появление самого термина «парламентская дипломатия» датируется второй половиной XX века (Варлен, 2019). Возможно, именно высокий интерес к парламентской дипломатии со стороны практиков способствует занижению возраста этого феномена мировой политики в научных публикациях. Между тем, даже поверхностное знакомство с историей международных парламентских организаций опровергает датировку возникновения парламентской дипломатии второй половиной XX века. Межпарламентский союз, например, был основан в 1889 г. и существует по сей день. Этой институциональной форме современного межпарламентского сотрудничества уже более ста лет.

Если же включать в понятийные рамки парламентской дипломатии феномен влияния парламентариев как выборных представителей народа на внешнюю политику своих стран, то обнаружится, что парламентская дипломатия еще древнее. Стоит отметить, что такой подход характерен для самих парламентариев. Например, Раби Рэй, спикер Лок Сабха, нижней палаты парламента Индии, в 1989-1991 гг., подчеркивал,

² Косачев К. Межпарламентский союз и Россия: история сквозь века. Портал Российского совета по международным делам. 01.10.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/amp/analytics-and-comments/comments/mezhparlamentskiy-soyuz-i-rossiya-istoriya-skvoz-veka> (дата обращения: 08.11.2023).

что «парламентская дипломатия может означать либо исполнение парламентариями роли дипломатов, либо активное вмешательство парламентов в формулирование внешней политики» (Ray, 1991).

Пример британских парламентариев в этом отношении наиболее показателен. Их влияние на внешнеполитический процесс в своей стране насчитывает не одну сотню лет. Даже сам термин «дипломатия» в его современном значении впервые употребил один из ярких представителей плеяды британских парламентариев, внесших вклад в теорию и практику внешней политики своей страны, Эдмунд Берк,

Э. Берк был членом британского парламента в 1765-1794 гг. и уделял первостепенное внимание вопросам отношений Британской империи с американскими колониями, управлению Британской Индией, проблематике Французской революции. Он добился в 1785 г. отстранения от управления Ост-Индской компанией У. Гастингса, первого генерал-губернатора Бенгалии из-за жестокостей, чинимых тем в отношении местного населения. Процесс импичмента У. Гастингса, занявший семь лет с 1788 по 1795 гг. и возглавляемый Э. Берком, был полностью открытым для публики и привлекал зрителей со всей Европы. Пример Э. Берка как влиятельного парламентария, источник зрения внешней политики Британской империи не ограничивается только вопросами парламентского контроля. Его труды как теоретика и родоначальника британского консерватизма оказали весьма заметное влияние на последующие поколения британских политиков. Кроме того, до сегодняшнего дня продолжают публиковаться работы, в которых исследуется вклад Э. Берка в теорию международных отношений (Vincent, 1984) и парламентской дипломатии (Ананьев, Пареньков, 2018).

Если Э. Берк влиял на внешнюю политику Британии благодаря своим речам, трактатам и парламентскому контролю, то для такого знаменитого дипломата прошлого, как Шарль Морис де Талейран, младшего современника Э. Берка, опыт работы в Генеральных штатах и Учредительном собрании 1789 г., где он возглавлял Дипломатический комитет, стал трамплином в большую европейскую политику.

Перечень имен, в биографиях которых можно найти парламентские и дипломатические периоды, очевидно взаимосвязанные с точки зрения накопления аппаратного опыта, наращивания межличностных связей, оттачивания мастерства аргументации, то есть навыков, необходимых в профессиональной деятельности и парламентариев, и дипломатов, можно продолжать. Практически все крупные фигуры международной политики прошлого имели за плечами опыт парламентской деятельности.

Тем не менее, сам факт сложности внешнеполитического процесса, в который так или иначе вовлечены представительные и законодательные органы, в настоящее время едва ли рассматривают через призму понятия «парламентская дипломатия». Отмеченная сложность и лежит в ее основе.

Современные исследователи, анализирующие парламентскую дипломатию, как правило, понимают под ней формализованные контакты представителей национальной легислатуры со своими зарубежными коллегами (Жук, 2017). Иными словами, общераспространенным в настоящее время является определение парламентской дипломатии по признаку ее основных агентов. С этой точки зрения парламентская дипломатия – это дипломатия, осуществляемая парламентариями. Однако такой подход может быть дополнен за счет определения парламентской дипломатии как специфической формы международного сотрудничества, заимствующей основные организационные приемы и методы у национальных легислатур.

Подобный взгляд может быть подкреплён историческими исследованиями, в частности научными трудами, рассматривающими участие национальных делегаций в работе Ассамблеи Лиги Наций (Götz, 2005). Так, в одном из первых докладов по итогам заседания этой структуры утверждалось, что «Ассамблея сформировала себя как парламентский орган с четко определенными правилами и методами работы»³. Исследователи, анализировавшие сходство работы первой универсальной международной организации с деятельностью национальных

³ Sweetser A. (1920). The First Assembly of the League of Nations. A manuscript report on the first assembly of the League of Nations. 30 December. URL: <http://presidentwilson.org/items/show/22337> (дата обращения: 08.11.2023)

законодательных и представительных органов власти отмечали такие объединяющие эти учреждения элементы, как формирование коалиций вокруг того или иного вопроса, а также блоковое голосование. В отношении Лиги Наций данные особенности даже преподносились как «эмбриональная стадия» международной партийной системы (Götz, 2005). С акцентом на организационные особенности появилось определение парламентской дипломатии в качестве специфической формы многосторонних переговоров, характеризующихся высокой степенью институционализации, правилами процедуры, публичными дебатами и голосованием по проектам резолюций (Rusk, 1955).

Фундаментальный характер влияния парламентских методов на дипломатию XX века неоспорим. В работах, объясняющих этот феномен, делается упор на произошедшую в результате Первой мировой войны делегитимацию традиционных методов управления иностранными делами как основную причину переноса парламентских методов в дипломатическую сферу (Rusk, 1955).

В то же время необходимо отметить, что оба измерения парламентской дипломатии, как акторное, так и организационное, являются исторически тесно взаимосвязанными. В работе Ассамблеи Лиги Наций, например, в составе национальных делегаций участвовали парламентарии, такие как Карл Йоаким Хамбро, который был спикером норвежского Стортинга в 1926-1945 гг.

С учетом тесной взаимосвязи двух измерений парламентской дипломатии исследователями были предложены дефиниции, не упускавшие из виду и акторный, и организационный аспекты этой формы дипломатического взаимодействия. Например, В. Риттбергер определил парламентскую дипломатию как «дипломатию конференций, осуществляемую делегатами национальных парламентов в международных парламентских или квазипарламентских ассамблеях» (Rittberger, 1983). Настоящая статья также опирается на комплексное понимание парламентской дипломатии, учитывающее ее акторное и организационное измерения.

Если же касаться гуманитарных аспектов парламентской дипломатии и анализировать те случаи, когда акторами международной гуманитарной политики становились парламентарии, то стоит отметить, что подобные вариации совмещения ролей дипломатов, парламентариев и деятелей гуманитарной сферы не являлись редкостью для дипломатической истории.

Напротив, анализ зарождения современных форм парламентской и гуманитарной дипломатии позволяет говорить о том, что их возникновение и распространение было результатом действия одних и тех же факторов. Частое сходство тематических повесток межпарламентского и международного гуманитарного сотрудничества отнюдь не является случайным.

Особенности и истоки гуманитарной дипломатии

Термин «гуманитарная дипломатия» активно используется Международным Комитетом Красного Креста (МККК). Исследователи, анализирующие деятельность МККК, предлагают следующую дефиницию этого понятия. В узком смысле гуманитарная дипломатия может быть определена в качестве «стратегии воздействия на стороны вооруженных конфликтов и других акторов, включая государства, негосударственные субъекты и представителей гражданского общества» (Harroff-Tavel, 2005). Цели этого воздействия являются сугубо гуманитарными, само же оно реализуется «посредством сети устойчивых отношений: двусторонних и многосторонних, официальных и неформальных» (Harroff-Tavel, 2005). В другой публикации о гуманитарной дипломатии она определена как «убеждение лиц, принимающих решения, и лидеров общественного мнения всегда действовать в интересах уязвимых слоев населения и при полном уважении фундаментальных гуманитарных принципов» (De Lauri, 2018).

Если исходить из того, что прототипом многих современных форм гуманитарной дипломатии является Международный комитет Красного Креста и его деятельность, то нельзя не заметить, что гуманитарные цели этой организации роднят ее с Межпарламентским союзом.

Так, А. Дюнан, потрясенный страданиями раненых, не только смог вместе с единомышленниками учредить МККК в 1863 г., но и добился принятия первой Женевской конвенции 1864 г. В свою очередь, основатели Межпарламентского союза Ф. Пасси и У.Р. Криммер были движимы стремлением к установлению прочного мира между нациями. Руководствуясь этой целью, они активно отстаивали интенсификацию межпарламентского сотрудничества и идею учреждения международного арбитража для разрешения всех споров между государствами.

Различие между А. Дюнаном и его единомышленниками, с одной стороны, и Ф. Пасси и У.Р. Криммером, с другой, состояло в том, что учредители МККК мыслили как реалисты, в то время как создатели Межпарламентского союза могут быть отнесены скорее к идеалистам. Впрочем, для достижения идеала мира между нациями они предлагали вполне реалистичные шаги, такие как международный арбитраж. Идея международного арбитража получила весьма заметное развитие в XX веке в виде учреждения различных международных судебных инстанций.

Вклад А. Дюнана, Ф. Пасси и У.Р. Криммера в гуманизацию международных отношений был отмечен современниками. А. Дюнан и Ф. Пасси стали первыми лауреатами Нобелевской премии мира в 1901 г. «за вклад в мирное сотрудничество народов» и «за многолетние миротворческие усилия». В 1903 г. Нобелевскую премию мира получил также У.Р. Криммер за свои усилия «по достижению мира путем арбитража».

Таким образом, общая гуманистическая направленность деятельности и первых акторов гуманитарной дипломатии, и отцов-основателей Межпарламентского союза была очевидна и высоко ценима их современниками.

Общность целеполагания, характерная для зарождавшихся гуманитарной и парламентской дипломатии, может быть объяснена с учетом роли структурных факторов в международных отношениях. Рост влияния общественного мнения на внешнеполитический процесс, связанный с развитием средств массовой информации на протяжении всего XIX в., отмечается в исследованиях по истории международных отношений (Neuman, 1996). Именно оно объясняет появление общественных

инициатив, имевших международный резонанс и повлиявших как на развитие отношений между государствами, так и на их поведение. В этих транснациональных движениях пацифистской направленности значимую роль играли парламентарии.

Наконец, для первоначальных форм гуманитарной и парламентской дипломатии характерна и организационная схожесть. И та, и другая формы развивались посредством многосторонних конференций, открытых для общественности, с участием делегатов из разных стран.

Российская парламентская и гуманитарная дипломатия в начале XX в.

Россия не осталась в стороне от развития парламентских и гуманитарных форм дипломатического сотрудничества в период конца XIX – начала XX века. При этом ее участие в этих форматах имело свою специфику. Если говорить о парламентской дипломатии как дипломатии, осуществляемой парламентариями, то она стала развиваться в России с момента созыва первой Государственной Думы Российской Империи (Тихонов, 2018). Ее представители приняли участие в IV конгрессе Межпарламентского союза, состоявшемся в Лондоне в июне 1906 г. В свою очередь, депутаты Государственной Думы II созыва проявили себя в сфере парламентского контроля над внешней политикой и оказались весьма требовательны к проекту сметы расходов министерства иностранных дел Российской Империи (Кустов, 2013). Таким образом, кратковременный период работы Государственной Думы I и II созывов не помешал депутатскому корпусу внимательно отнестись к вопросам внешней политики Российской Империи» (Кустов, 2013). Эта тенденция продолжилась в Государственной Думе Российской Империи III и IV созывов. Русская парламентская группа посещала Англию и Францию в 1909 г. (Косачев, 2017) (в период полномочий Государственной Думы III созыва). В качестве отдельных примеров парламентской дипломатии, проводившейся депутатами Государственной Думы IV созыва, можно назвать участие П.Н. Милюкова, руководителя кадетской фракции

и в последующем министра иностранных дел Временного правительства России, в работе Комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912-1913 гг. (Тимофеев, 2017), а также визит русской парламентской делегации в страны Антанты (апрель – июнь 1916 г.) (Кустов, 2010).

Если же подходить к определению парламентской дипломатии через призму характерных для нее организационных особенностей, то нельзя не признать, что именно дипломатия партийных конференций, весьма близкая по своим чертам к парламентской, стала своего рода «колыбелью» советской внешнеполитической службы. Все дипломаты ленинской школы (Г.В. Чичерин, М.М. Литвинов, Л.Б. Красин, А.М. Коллонтай) имели за плечами богатый опыт участия в международном революционном движении, съездах РСДРП и международных социалистических конгрессах Второго интернационала.

Нарубеже XIX–XX веков российская дипломатия также играет заметную роль «в утверждении основ гуманизма в международных отношениях» (Lavrov, 1999). Россия была инициатором созыва Первой гаагской мирной конференции 1899 г. и Второй гаагской мирной конференции 1907 г. Делегаты 44-х государств собрались на Вторую гаагскую конференцию в июне 1907 г., практически одновременно с роспуском Государственной думы II созыва. В российской делегации, направленной в июне 1907 г. в Гаагу, не было парламентариев, только кадровые дипломаты. Среди полномочных делегатов — «руководитель делегации, действительный тайный советник, посол во Франции А.И. Нелидов; тайный советник, непременный член Совета Министерства иностранных дел, член Постоянной палаты третейского суда Ф.Ф. Мартенс; действительный статский советник, камергер, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Нидерландах — Н.В. Чарыков» (Чернявский, 2017). Таким образом, одна из наиболее известных российских международных инициатив гуманитарного плана в начале XX в. была реализована без участия российских парламентариев.

Было бы ошибкой считать, что с момента установления советской власти произошел быстрый закат только зародившейся парламентской дипломатии России, хотя методы межпарламентского сотрудничества в тот период оказались более востребованы, чем демократические идеалы

и плюралистическая сущность парламентаризма. На смену классической парламентской дипломатии пришла партийная дипломатия Коминтерна. Среди ярких примеров дипломатов, работавших по межпартийной линии в первые годы после установления советской власти, можно назвать А.М. Коллонтай. К моменту Великой октябрьской социалистической революции 1917 г. за ее плечами уже был богатый опыт участия в международном женском социалистическом рабочем движении.

В 1921-22 гг. А.М. Коллонтай – секретарь Международного женского секретариата Коминтерна. Она являлась одним из организаторов первой и второй Международных конференций коммунисток, прошедших в Москве 1920 и 1921 гг. Собственно гуманитарный аспект этой деятельности проявился в том, что, как пишет сама А.М. Коллонтай, «Международный женский секретариат Коминтерна являлся не только органом пропаганды, но и действия». Так, «помощь голодающему трудовому населению Советской России вызвала организацию живого сбора пожертвований со стороны германских, шведских, чехословацких, болгарских и других коммунисток» (Коллонтай, 1972).

В то же время, «советская система управления предполагала принципиальную неразделенность партийной и советской власти во всех ее ипостасях – законодательной, исполнительной и судебной», а «концепция представительного института, заложенная в советской модели, существенно отличалась от классических парламентских идей» (Пашковский, 2018). По этой причине «внешнеполитические, как и все другие, функции парламента были в СССР фикцией, элементом ритуала государства-партии» (Салмин, 2001). Влияние Верховного Совета СССР как высшего законодательного и представительного органа на внешнюю политику государства «не имело определяющего значения» (Пашковский, 2018).

Любой экскурс в историю представляет интерес в свете актуальных задач сегодняшнего дня. С этой точки зрения, говоря об истоках российской парламентской и гуманитарной дипломатии, нельзя обойти молчанием деятельность священномученика Иоанна (Поммера), архиепископа Рижского и Латвийского, предстоятеля Латвийской православной церкви в 1921-1934 гг., прославленного в лике святых Русской православной

церковью в 2001 г. Архиепископ Иоанн Рижский был депутатом Латвийского сейма в 1926-1931 гг. и много сделал в качестве парламентария для сохранения Русского мира, защиты интересов Православной церкви и прав русскоязычного населения Латвии, в особенности права получать образование на родном языке (Келер, 1999). Его дипломатическая деятельность привлекает все большее внимание как исследователей (Аристова, Митрополит Пензенский и Нижнеомовский Серафим (Домнин), 2021), так и российских парламентариев, оценивающих его труды по примирению различных групп в тяжелые годы начала XX века как нравственный ориентир и образец для всех людей, независимо от вероисповедания.

* * *

Таким образом, тематическая близость, характерная для современного межпарламентского и международного гуманитарного сотрудничества объясняется общностью факторов, обусловивших возникновение первых институциональных прототипов современной парламентской и гуманитарной дипломатии во второй половине – последней трети XIX столетия. Таким образом их связывают не только тематическая близость, но и историческое родство.

Также стоит отметить, что динамика развития парламентской дипломатии в мировом политическом процессе является более сложной и отличается от широко распространенной версии, согласно которой такие факторы, как глобализация и информационная революция повлекли за собой расширение границ внешней политики, а затем рекрутинг в дипломатические ряды новых агентов, в том числе и парламентариев.

Действительно, парламентская дипломатия как феномен мировой политики свидетельствует о тесной взаимосвязи и взаимном влиянии внутренне- и внешнеполитической сфер. В то же время, в этом влиянии наблюдаются различные периоды. Так, дипломатическая история зафиксировала период, когда рост значимости представительных и законодательных органов власти в европейских буржуазных демократиях второй половины XIX в. привел к своеобразному «переливу» (spillover) парламентских методов и подходов в дипломатическую сферу.

Если же изучать сферу идеологии и ее воздействия на внешнюю политику, а также институт парламентского контроля, то неизбежным будет вывод о еще более ранних примерах влияния парламентариев на внешнеполитический процесс в своих странах.

Наконец, к проблематике парламентской дипломатии можно подходить через призму изучения биографий как выдающихся парламентариев, так и дипломатов. Во многих биографиях обнаружится профессиональный «переток»: из парламентариев на дипломатическую службу и наоборот.

Все указанные аспекты парламентской дипломатии связаны с особенностями реализации принципа государственного суверенитета в той или иной стране, в тот или иной исторический период. Идея народного суверенитета, осуществленная в том числе посредством наделения представительных и законодательных органов власти более широкими полномочиями, преобразовала сферу внешней политики. Она сделала ее более открытой для парламентариев и с точки зрения осуществления ими представительских функций за рубежом, и с точки зрения парламентского контроля над внешней политикой своих государств.

Гуманитарное целеполагание является весьма характерным для парламентской дипломатии. В то же время такие особенности парламентской дипломатии, как публичные дискуссии, открытое голосование по проектам общих резолюций, отличают ее от методов собственно гуманитарной дипломатии. Для гуманитарной дипломатии, особенно в зонах вооруженных конфликтов, характерны непубличные переговоры и весьма конкретное целеполагание (например, обеспечение гуманитарного доступа, предоставление гуманитарного коридора, обмен военнопленными, освобождение заложников, передача тел погибших военнослужащих и т. п.). Между тем, по более общим вопросам, таким как гуманитарные вызовы современного мирового развития, наблюдается общность интересов и координация усилий основных акторов парламентской и гуманитарной дипломатии.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

On Historical Relationship between Parliamentary and Humanitarian Diplomacy

Elizaveta S. Gromoglasova, Candidate of Political Sciences,
Assistant to the State Duma Deputy, the Apparatus of the State Duma
of the Federal Assembly of the Russian Federation,
1, Okhotny Ryad Str., Moscow, 103265, Russia.
E-mail: Gromoglasovaes@duma.gov.ru

Abstract: The paper analyzes approaches to defining parliamentary and humanitarian venues of diplomatic cooperation. It is shown that institutionalized inter-parliamentary cooperation began to develop in the last quarter of the 19th century, while examples of the influence of parliamentarians on the foreign policy process in their nation-states can be traced back even earlier, at least since the time of the Great French Revolution. It has been revealed that the early forms of parliamentary influence on foreign policy were based on humanistic arguments and appealed to a sense of humanity. The humanistic orientation of the emerging parliamentary diplomacy in the last third of the 19th century is explained by focusing on factors such as the development of the media and the growing influence of public opinion on the domestic and foreign policies of European nation-states. The similarity of the initial organizational forms of parliamentary and humanitarian diplomacy illustrates the example of the International Committee of the Red Cross and the Inter-Parliamentary Union. Both types of diplomatic interaction emerged via multilateral conferences. The final section of the paper is devoted to an analysis of the origins of Russian parliamentary and humanitarian diplomacy. It is shown that Russia played an active role in the development of these forms of diplomatic interaction. The paper concludes by arguing that a thorough definition of parliamentary diplomacy is only possible when both the actor and organizational dimensions of parliamentary diplomacy are taken into account. It argues further that the more or less common paths of development of parliamentary and humanitarian diplomacy result in their thematic affinity. The third conclusion is that the parliamentary methods accepted by diplomatic agents profoundly affected the development of cooperation between nation-states during the 20th century.

Keywords: parliamentary diplomacy, humanitarian diplomacy, International Committee of the Red Cross, Inter-Parliamentary Union, Russia

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

- De Lauri, A. (2018). Humanitarian Diplomacy: A New Research Agenda. *Chr. Michelsen Institute (CMI) Brief*, 4. Bergen. 4 p.
- Götz, N. (2005). On the Origins of 'Parliamentary Diplomacy': Scandinavian 'Bloc Politics' and Delegation Policy in the League of Nations. *Cooperation and Conflict*, 3, 263–279.

Harroff-Tavel, M. (2005). The Humanitarian Diplomacy of the International Committee of the Red Cross. *Relations Internationales*, 1, 73–89.

Lavrov, S. (1999). The Russian Approach: The Fight Against Genocide, War Crimes, and Crimes Against Humanity. *Fordham International Law Journal*, 2, 415–428.

Neuman, J. (1996). The Media's Impact on International Affairs, Then and Now. *SAIS Review*, 1, 109–123.

Ray, R. (1991). *Parliamentary Diplomacy*. New Delhi: Chand & Company.

Rittberger, V. (1983). Global Conference Diplomacy and International Policy-Making: The Case of UN-Sponsored World Conferences. *European Journal of Political Research*, 11, 167–182.

Rusk, D. (1995). Parliamentary Diplomacy-Debate vs. Negotiation'. *World Affairs Interpreter*, 26, 121–138.

Vincent, R.J. (1984). Edmund Burke and the Theory of International Relations. *Review of International Studies*, 3, 205–218.

Anan'yev, B.I.; Paren'kov, D.A. (2018). Parlament v vneshnikh konturakh gosudarstva: skrytyye i yavnyye vozmozhnosti [Parliament in the external contours of the state: hidden and obvious opportunities]. *Tetradi po konservatizmu*, 4, 316–321. (in Russian)

Aristova, K., Mitropolit Penzenskiy i Nizhnelomovskiy Serafim (Domnin). (2021). Diplomatskaya deyatel'nost' svyashchennomuchenika Ioanna (Pommera) po sokhraneniyu posledstviy Latviyskoy pravoslavnoy tserkvi v mezhyovenny period [Diplomatic activities of the Hieromartyr John (Pommer) to preserve the consequences of the Latvian Orthodox Church in the interwar period]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 8, 104–121. (in Russian)

Chernyavskiy, S.I. (2017). Vtoraya Gaagskaya konferentsiya mira 1907 g.: vzglyad cherez 110 let [Second Hague Peace Conference 1907: A Look After 110 Years]. *Tractus aevorum: evolyutsiya sotsiokul'turnykh i ofisnykh pomeshcheniy*, 1, 23–40. (in Russian)

Keler, L. (1999). *Nikem ne slomlennyy. Zhizn' i muchitel'naya konchina arkhiepiskopa Rizhskogo Ioanna (Pommera)* [Not broken by anyone. The life and painful death of Archbishop of Riga John (Pommer)]. Moscow: Izdatel'stvo im. svyatitelya Ignatiya Stavropol'skogo. 64 s. (in Russian)

Kollontay, A.M. (1972). *Izbrannyye stat'i i rechi* [Selected articles and speeches]. Moscow: Politizdat. 430 p. (in Russian)

Kosachev, K.I. (2017). Parliamentskaya diplomatiya v mnogopolyarnom mire [Parliamentary diplomacy in a multipolar world]. *Dialog: politika, pravo, ekonomika*, 1(4), 26–31. (in Russian)

Kustov, V.A. (2010). Dumskaya diplomatiya: vizit russkoy parlamentskoy delegatsii v Antantu (aprel' – iyun' 1916 g.) [Duma diplomacy: visit of the Russian parliamentary delegation to the Entente (April - June 1916)]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 4(3), pp. 129–133. (in Russian)

Kustov, V.A. (2013). Gosudarstvennaya Duma I-II sozyvov: vneshnepoliticheskiye aspekty parlamentskoy deyatel'nosti (aprel' 1906 – iyul' 1907 gg.) [State Duma of the 1st and 2nd convocations: foreign policy aspects of parliamentary activity (April 1906 - July 1907)]. *Vlast'*, 6, 165–169. (in Russian)

Mezhparlamentskiye instituty v mirovoy politike. (2020). [Interparliamentary institutions in world politics]. Ed. by I.L. Prokhorenko. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' Mir". (in Russian)

Pashkovskiy, P.I. (2018). Rezhim sovetskoy predstavitel'skoy i zakonodatel'noy vlasti na gosudarstvennoy vneshney politike [The regime of Soviet representative and legislative power on state foreign policy.]. *Arkhyont*, 1(4), 71–77. (in Russian)

Salmin, A.M. (2001). *Iznanka vneshney politiki. Rossiyskaya politika na rubezhe vekov (izbrannyye stat'i)* [The regime of Soviet representative and legislative power on state foreign policy.]. K desyatiletiyu fonda «Rossiyskiy obshchestvenno-politicheskiy tsentr». Ed. by A.M. Salmin. Moscow: Letniy sad. P. 102–210. (in Russian)

Tikhonov, P.P. (2018). Diplomaticheskaya deyatel'nost' Gosudarstvennoy Dumy Rossiyskoy Imperii I sozyva. *Vstrechi v Tavricheskom 2017. Sbornik nauchnykh statey Molodezhnoy (studentcheskoy) nauchnoy konferentsii* [Meetings in Tavrichesky 2017. Collection of scientific articles of the Youth (student) scientific conference]. Ed. by O.A. Patrikeyeva, E.A. Tarasova. P. 25–27. (in Russian)

Timofeyev, A.Yu.; Zhivanovich, M. (2017). *Mozhno obsudit' доклад Karnegi o prichinakh i vedeni Balkanskikh voyn 1912-1913 gg. kak istoricheskiy istochnik?* [Can we discuss the Carnegie report on the causes and conduct of the Balkan Wars of 1912-1913. as a historical source?]. *Slavyanskiy al'manakh*, 1-2, 100–120. (in Russian)

Varlen, M.V. (2019). O razvivayushchemsya dvizhenii parlamentskoy diplomatii v mnogopolyarnom mire [On the developing movement of parliamentary diplomacy in a multipolar world]. *Lex Russica (Russkiy zakon)*, 7 (152). (in Russian)

Zhuk, D.Yu. (2017). Parlamentskaya diplomatiya v deyatel'nosti mezhdunarodnykh organizatsiy [Parliamentary diplomacy in the activities of international organizations]. *Dialog: politika, pravo, ekonomika*, 3(6), 21–30. (in Russian)

Литература на русском языке:

Ананьев Б.И., Пареньков Д.А. (2018). Парламент на внешних контурах государства: скрытые и явные возможности. *Тетради по консерватизму*. № 4. С. 316–321.

Аристова К., Митрополит Пензенский и Нижнеломовский Серафим (Домнин). (2021). Дипломатическая деятельность священномученика Иоанна (Поммера) по сохранению статуса Латвийской православной церкви в межвоенный период. *Международная жизнь*. № 8. С.104–121.

Варлен М.В. (2019). О возрастающей роли парламентской дипломатии в многополярном мире. *Lex Russica (Русский закон)*. № 7 (152).

Жук Д.Ю. (2017). Парламентская дипломатия в деятельности международных организаций. *Диалог: политика, право, экономика*. № 3(6). С. 21–30.

Келер Л. (1999). *Никем не сломленный. Жизнь и мученическая кончина архиепископа Рижского Иоанна (Поммера)*. М.: Издательство им. святителя Игнатия Ставропольского. 64 с.

Коллонтай А.М. (1972). *Избранные статьи и речи*. М.: Политиздат. 430 с.

Косачев К.И. (2017). Парламентская дипломатия в многополярном мире. *Диалог: политика, право, экономика*. № 1(4). С. 26–31.

Кустов В.А. (2010). Думская дипломатия: визит русской парламентской делегации в страны Антанты (апрель – июнь 1916). *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. № 4(3). С.129–133.

Кустов В.А. (2013). Государственная Дума I II созывов: внешнеполитические аспекты парламентской деятельности (апрель 1906 – июль 1907 гг.). *Власть*. № 6. С.165–169.

Межпарламентские институты в мировой политике. (2020). Под ред. И.Л. Прохоренко. М.: Издательство "Весь Мир".

Пашковский П.И. (2018). Влияние советской представительной и законодательной власти на государственную внешнюю политику. *Архонт*. № 1(4). С. 71–77.

Салмин А.М. (2001). Изнанка внешней политики. *Российская полития на рубеже веков (избранные статьи)*. К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр». Глав. ред., председ. совета А.М. Салмин. М.: Летний сад. С.102–210.

Тимофеев А.Ю., Живанович М. (2017). Можно ли рассматривать доклад Комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912-1913 гг. как исторический источник? *Славянский альманах*, № 1-2. С.100–120.

Тихонов П.П. (2018). Дипломатическая деятельность Государственной Думы Российской Империи I созыва. *Встречи в Таврическом 2017*. Сборник научных статей Молодежной (студенческой) научной конференции. Под ред. О.А. Патрикеевой, Е.А. Тарасовой. 2018. С. 25–27.

Чернявский С.И. (2017). Вторая Гаагская конференция мира 1907 г.: взгляд через 110 лет. *Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. № 1. С. 23–40.

Перспективы гуманитарной дипломатии стран БРИКС в Латинской Америке после расширения группы

В.А. ДМИТРИЕВА¹

МГИМО МИД России (Россия)

Аннотация

В августе 2023 г. к формату БРИКС присоединились еще шесть государств, многих из которых, как и страны пятерки, вовлечены в гуманитарную дипломатию. Статья направлена на выявление новых трендов гуманитарной дипломатии стран БРИКС с латиноамериканскими странами. Для выявления направлений двусторонней гуманитарной деятельности стран БРИКС используются базы данных AidData, пресс-релизы, вебсайты гуманитарных агентств и министерств иностранных дел. В процессе сопоставления составления данных систематизированы двусторонние (в некоторых случаях многосторонние) проекты с государствами Латинской Америки. Также были проанализированы двусторонние отношения стран БРИКС с государствами, не вовлеченными в сотрудничество, с целью выявления возможных противоречий. В результате показано, что среди первоначальных членов БРИКС все государства кроме ЮАР активно действуют на территории Латинской Америки, реализуя гуманитарные проекты с большинством государств региона. ЮАР продолжает получать помощь из крупных стран Латинской Америки, но не взаимодействует с регионом в качестве донора. Среди новых членов БРИКС выделяются три группы стран на основании активности их гуманитарной дипломатии в регионе: активно сотрудничающие с латиноамериканскими странами, сотрудничающие с отдельными государствами, государства с недостаточными ресурсами или недостаточной заинтересованностью в инвестировании в регион. У стран БРИКС, активно вовлеченных в гуманитарные связи с регионом, открывается пространство для развития многостороннего сотрудничества в гуманитарной сфере.

Ключевые слова

гуманитарная дипломатия, БРИКС, Ибероамерика, Латинская Америка, международное гуманитарное сотрудничество, гуманитарная политика

¹ **Дмитриева Валентина Андреевна** – аспирант кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
E-mail: dmitrieva.v.a@my.mgimo.ru

Для цитирования

Дмитриева В.А. (2023). Перспективы гуманитарной дипломатии стран БРИКС в Латинской Америке после расширения группы. *Управление и политика*, 2(4), С. 24–36. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-4-24-36

Пандемия коронавируса вскрыла ряд фундаментальных проблем общества, подсветив недостаточное развитие здравоохранения и образования, непроработанность глобальной продовольственной программы, хронический характер очагов бедности в мире. На фоне акцентуации гуманитарной проблематики начался активный рост социального и гуманитарного компонентов мировой политики: утвердился процесс «гуманитаризации мировой политики» (Лебедева, 2021).

Тем не менее, после пандемии вызовы продолжили усиливаться и увеличиваться: острый гуманитарный кризис в Африке, Восточной Европе, на Кавказе, на Ближнем Востоке, умноженные последствиями стихийных бедствий, военные перевороты в Азии и Африке – все это привело к тому, что гуманитарные вызовы стали ощутимее и требуют коллективного ответа от международного сообщества.

На фоне увеличения числа гуманитарных вызовов с начала XXI века отмечается активизация «новых доноров», причем особенно активно вовлекаются в гуманитарную дипломатию страны БРИКС². Будучи активно развивающимися странами, Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика (ЮАР) используют свои средства в том числе и для решения ряда гуманитарных проблем. Так, Индия и Китай (в большой степени) и другие страны – Россия, Бразилия и ЮАР (в меньшей) вовлечены в развитие государств Африки, реализуя на их территории различные проекты, стимулирующие экономику, общественное благосостояние, здравоохранение и образование. В последние годы усиливает свою африканскую политику Россия.

² Asmus, G., Fuchs, A., & Müller, A. (2017). BRICS and Foreign Aid. AIDDATA. URL: https://docs.aiddata.org/ad4/files/wps43_brics_and_foreign_aid.pdf (Accessed: 08.11.2023).

В 2023 г. было объявлено о присоединении шести новых государств к БРИКС – Аргентины, Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), Ирана, Саудовской Аравии, Эфиопии и Египта. На фоне расширения БРИКС становится возможной активизация деятельности на нетипичных для форума и его участников направлениях, в том числе и географических. Здесь особый интерес представляет Латинская Америка – сейсмоактивный, политически и экономически нестабильный регион с высоким уровнем социального расслоения. Кроме того, в этом регионе расположены два государства БРИКС – Бразилия и Аргентина, достаточно активные в сфере гуманитарной дипломатии. Это говорит о том, что для стран БРИКС Латинская Америка может быть важным регионом с точки зрения увеличения своего влияния.

* * *

Гуманитарная дипломатия – термин, широко используемый в западном дискурсе международных отношений, гораздо реже она становится объектом исследования в России и в незападном мире (хотя и там наблюдается значительное увеличение литературы по данной тематике в последние годы). Гуманитарная дипломатия является инструментом внешней политики, который используется для решения транснациональных проблем безопасности личности (Громогласова, 2018), повышения международной репутации государства и укрепления отношений между государствами (О’Нэган, 2016; Дмитриева, 2022), включая вопросы содействия развитию (Кузнецов, 2022).

Гуманитарной активности БРИКС посвящено достаточно большой пласт литературы. Так, о донорской активности БРИКС писали Г. Асмус, А. Фукс и А. Миллер (2017), С. Гуо, Ю. Сун и П. Демидов (2020), П. де Оливьера и Джин (2019). В книге де Оливьера и Джин рассматривается эволюция подходов БРИКС к оказанию международной помощи развитию. В работе С. Гуо и др. (2020) отмечалось, что подход БРИКС отличается от подходов западных стран, но при этом выделялись серьезные трудности на пути реализации оказания помощи, среди которых недостаточное финансирование и отсутствие документов, концептуально оформляющих

деятельность в этой области. Большое внимание привлекает деятельность группы в различных сферах. Так, например, работа В. Фен и др. (2014) посвящена здравоохранению. Исследователи фокусируют внимание и на деятельности БРИКС в отдельных регионах, прежде всего в Африке (Deych, 2015; Abdenur, Folly, Moura, Jordao & Maia, 2014).

В последнее время интерес исследователей был сосредоточен на гуманитарной деятельности отдельных членов БРИКС. Так, Р. Пинто рассматривает современные подходы Бразилии к реализации гуманитарной политики (Pinto, 2020), К. Одген и Т. Пракаш – деятельность Индии в тихоокеанском регионе (Odgen & Prakash, 2023), А. Люси – проблемы гуманитарной дипломатии ЮАР. О России чаще пишут отечественные исследователи, прежде всего о роли государства в содействии международному развитию (Кузнецов, 2022). А. Хеффлер и О. Штерк (2022) провели любопытное сравнение распределения помощи Китаем с крупными донорами Комитета по содействию развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР).

Существуют исследования и по специфике гуманитарной деятельности новых членов БРИКС. Так, Л. Кохрейн (2021), рассмотрев деятельность ОАЭ, отметил ориентированность государства на оказание помощи трем ближневосточным странам на Ближнем Востоке – Египту, Сербии и Йемену. Саудовская Аравия, согласно исследованию Й. Ли (2019), активно пользуется инструментом оказания международной помощи, продвигая таким образом свои интересы, прежде всего, в арабском мире. Меньше работ посвящено гуманитарной деятельности Ирана (Naim 2007). Не было выявлено статей о гуманитарной деятельности Аргентины, Египта и Эфиопии.

Таким образом, можно отметить, что в настоящее время отсутствуют работы, посвященные гуманитарной деятельности стран БРИКС в Латинской Америке. В связи с этим возникает следующий вопрос: каковы особенности и тенденции взаимодействия стран БРИКС (в том числе новых членов) с ибероамериканскими государствами в гуманитарной сфере?

* * *

Для многих государств гуманитарная дипломатия уже вошла в инструментарий внешней политики. Многие из них выпускают отчетные материалы о реализации целей на гуманитарном направлении, материалы национальных агентств по оказанию помощи и ведомственных организаций, вовлеченных в осуществление гуманитарной деятельности. Однако большая часть государств не публикует таких отчетов, что значительно усложняет процесс сбора и анализа информации.

В настоящем исследовании использованы базы данных об оказании помощи государствам (AidData). Существуют базы двух типов – национальные и международные. Каждая из них отражает определенный исторический период, так как часто эти данные датируются началом 2010-х годов; регулярно актуализируются данные о существующих проектах в соответствии с методами наполнения таких баз данных – использованием публикаций СМИ и профильных ведомств. В рамках данного исследования используются следующие базы данных: Индии³, Китая (Custer, Dreher, Elston, Fuchs..., 2021), и другие (Tierney, Nielson, Hawkins..., 2011).

К анализируемым проектам в сфере гуманитарной дипломатии относятся строительство объектов инфраструктуры, предоставление образовательных грантов, организация стажировок, содействие при ликвидации последствий катастроф, предоставление займов, поставка вакцин и т.д.

Результаты анализа данных обобщены в Таблице 1, в которой указаны страны БРИКС и Латинской Америки.

³ Asmus, G., Fuchs, A., & Müller, A. (2017). BRICS and Foreign Aid. AIDDATA. URL: https://docs.aiddata.org/ad4/files/wps43_brics_and_foreign_aid.pdf (Accessed: 08.11.2023).

Таблица 1.
Гуманитарные проекты стран БРИКС (с учетом расширения) в латиноамериканских государствах

	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР	Аргентина	ОАЭ	Иран	Саудовская Аравия	Эфиопия	Египет
Аргентина	+	+	+	+	-		+	-	+	-	-
Боливия	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-
Бразилия		+	+	+	-	-	+	+	+	-	-
Венесуэла	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-
Гватемала	+	-	+	-	-	+	+	-	-	-	-
Гондурас	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-
Доминиканская Республика	+	+	+	+	-	-	+	-	-	-	-
Колумбия	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-
Коста-Рика	+	+	+	+	-	-	+	-	+	-	-
Куба	+	+	+	+	-	+	+	+	+	-	-
Мексика	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-
Никарагуа	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	-
Панама	+	+	+	+	-	-	+	-	+	-	-
Парагвай	+	-	+	+	-	+	+	-	+	-	-
Перу	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-
Сальвадор	+	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-
Уругвай	+	-	+	+	-	-	+	-	-	-	-
Чили	+	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-
Эквадор	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	-

Table 1. BRICS projects in Latin American countries

Источник: составлено автором

Анализ данных о реализации проектов в области развития позволяет разделить страны БРИКС (включая новых участников) на несколько групп.

Среди стран пятерки БРИКС все государства за исключением ЮАР вовлечены в латиноамериканский регион как гуманитарные акторы. Наиболее активными являются – ввиду своего географического положения – Бразилия, а также Индия, стремящаяся к расширению влияния на международной арене.

Россия и Китай взаимодействуют с большей частью государств региона с несколькими исключениями. Так, Китай не взаимодействует с Гватемалой: отчасти это может быть связано с тем, что Гватемала не придерживается политики одного Китая и продолжает сохранять связи с Тайванем (Alexander, 2014). Однако этот же фактор не препятствует осуществлять гуманитарную деятельность в Парагвае (проект проводится через Межамериканский банк развития) при фактическом непризнании Парагваем КНР (Custer, Dreher, Elston..., 2021). Можно предположить, что Китай использует гуманитарную деятельность для достижения дипломатического признания. Этот же вывод делают А. Хеффлер и О. Штерк (2022) при изучении мотивов донорской деятельности Пекина.

Россия также не сотрудничает с Гватемалой по гуманитарному направлению: в 2009 г. проходило обсуждение сотрудничества в области гражданской обороны, но найти подтверждений реализации этого сотрудничества не представилось возможным. Также в 2022 г. Гватемала отзывала посла, что отражает политические противоречия между государствами. Также Россия не осуществляет гуманитарную деятельность в Парагвае и Уругвае. Тем не менее, отношения с этими государствами достаточно стабильные: с каждым из государств у России сложилась основательная база двусторонних договоров о сотрудничестве в разных сферах, в том числе в борьбе с последствиями стихийных бедствий. Что касается гуманитарной дипломатии России, необходимо отметить ее ключевую особенность – большинство проектов находятся в «пограничной» зоне сотрудничества, а именно в сфере образования. Образование как сфера взаимодействия может быть отнесена как

к социально-культурной, так и к гуманитарной сфере: с одной стороны, вопрос образовательных обменов часто обсуждается в контексте социально-культурной дипломатии, с другой стороны, образование является важной частью политики содействия развитию. Предлагается учитывать стипендиальную программу России в качестве одного из ресурсов осуществления гуманитарной деятельности государства.

ЮАР, в отличие от других стран «пятерки», не осуществляет гуманитарную деятельность в латиноамериканском регионе. У ЮАР возникают трудности с освещением своей гуманитарной деятельности в других странах: фактически единственным способом раскрытия деятельности является публикация годовых отчетов Фонда африканского возрождения и международного сотрудничества (African Renaissance and International Cooperation Fund, ARF), в которых достаточно кратко описываются реализуемые проекты. Так как единого агентства для осуществления гуманитарной деятельности до сих пор не сформировано, все проекты, осуществляемые другими ведомствами и министерствами государства, не попадают в отчет, что негативно сказывается на публичном освещении гуманитарной деятельности. В связи с этим, нельзя однозначно определить, связано ли отсутствие данных о сотрудничестве ЮАР с Латинской Америкой с отсутствием информации в открытом пространстве или с отсутствием ресурсов для осуществления гуманитарной деятельности на территории региона.

Обладают достаточным опытом участия в гуманитарной дипломатии и новые участники формата БРИКС. Часть из них вовлечена в соответствующее сотрудничество и со странами Центральной и Южной Америк.

ОАЭ осуществляют деятельность на гуманитарном направлении со всеми государствами Иberoамерики, за исключением Сальвадора. При этом между странами отсутствуют значимые противоречия, а дипломатические отношения установлены еще в 2007 г. Потенциально нет оснований полагать, что ОАЭ не начнет гуманитарное взаимодействие с Сальвадором в ближайшей перспективе.

Аргентина не реализует проекты в области развития в нескольких ибероамериканских государствах: Доминиканская Республика, Никарагуа, Коста-Рика, Панама, Эквадор, Бразилия и Уругвай. В ряде случаев это можно объяснить напряженными дипломатическими отношениями. Так, Аргентина отзывала посла из Никарагуа, а посол Аргентины в Эквадоре была объявлена персоной нон грата. Для этих государств маловероятна реализация гуманитарного сотрудничества с Аргентиной в ближайшее время. С другими государствами у Аргентины достаточно стабильные связи: с Доминиканской Республикой Аргентина сохраняет крепкие торговые отношения, с Бразилией осуществляется сотрудничество в разных сферах, в том числе в рамках МЕРКОСУР, но «донорскую» позицию занимает именно Бразилия, с Уругваем проводится сотрудничество в сфере туризма (Roda & Luiz, 2020). С Коста-Рикой и Панамой не выявлено разногласий, но гуманитарные проекты не реализуются. Потенциально Аргентина может расширить свое гуманитарное присутствие на территории ибероамериканского региона, однако очевидно, что приоритетной задачей будет решение собственных социально-экономических проблем.

Иран и Саудовская Аравия осуществляют сотрудничество с ограниченным числом государств (при этом число партнеров Саудовской Аравии превышает число партнеров Ирана). В целом, можно отметить, что для этих двух государств характерно совпадение географических направлений гуманитарной деятельности. Единственным исключением являются четыре партнера, с которыми сотрудничает только Саудовская Аравия: Аргентина, Коста-Рика, Панама и Парагвай. При этом отношения между самими Ираном и Саудовской Аравией являются достаточно напряженными ввиду взаимных противоречий по религиозным и политическим вопросам. В настоящее время можно говорить о конкуренции двух стран в латиноамериканском регионе за влияние в отношениях со стратегически важными партнерами. Эта конкуренция за гуманитарных партнеров осложняется фактором нестабильного положения Ирана: нахождение под санкциями негативно воздействует на экономическую обстановку в стране, имидж Ирана и фактически

приводит к снижению его влияния на регионе Латинской Америки. В этих условиях гуманитарная деятельность становится для Ирана не только фактором противостояния влиянию Саудовской Аравии, но и способом повышения международного авторитета и преодоления сложившейся международной изоляции.

Эфиопия и Египет не реализуют гуманитарные программы на территории латиноамериканского региона. Представляется, что это связано с недостатком ресурсов государств. Тем не менее, наблюдается аналогичная с ЮАР проблема: устранен доступ к ресурсам для освещения результатов своей гуманитарной деятельности. В отношении Египта, исходя из публикаций в СМИ, можно сделать вывод о ситуативности помощи странам в период бедствий, пандемий или катастроф. Такая же тактика характерна и для Эфиопии, что говорит в пользу вывода об отсутствии достаточных ресурсов для вовлечения в другие регионы на постоянной основе.

В связи со сказанным выше и на основе анализа гуманитарных проектов стран расширенного формата БРИКС в странах Латинской Америки, можно сделать следующие выводы.

Государства БРИКС можно разделить на несколько групп по степени активности их гуманитарной дипломатии в латиноамериканском регионе:

- нацеленные на гуманитарное сотрудничество со всей Латинской Америкой и активно сотрудничающие со странами региона по широкому кругу вопросов (Индия, Бразилия, Китай, ОАЭ);
- нацеленные на гуманитарное сотрудничество с Латинской Америкой, но не реализующие свой потенциал в большинстве стран региона (Россия, Аргентина);
- нацеленные на развитие гуманитарного взаимодействия лишь с отдельными странами региона (Саудовская Аравия, Иран);
- незаинтересованные в подобном сотрудничестве или не имеющие ресурсов для вовлечения в регион (Египет, Эфиопия, ЮАР).

Так как страны неоднородно вовлечены в сотрудничество со странами региона, можно говорить о различной степени готовности государств к взаимодействию с латиноамериканскими государствами по вопросам

гуманитарной дипломатии. Ряд стран вовлечены в конкуренцию за влияние в регионе. Некоторые страны не способны использовать гуманитарную дипломатию в качестве инструмента реализации своих внешнеполитических интересов в регионе ввиду недостатка ресурсов. Тем не менее, уровень вовлечения в регион Латинской Америки достаточно высокий, поэтому существует потенциал реализации многосторонних форматов сотрудничества по гуманитарным проблемам.

Тем не менее, исследование ограничено в связи с отсутствием достаточных данных по ряду государств – России, но в большей степени – ЮАР, Египту и Эфиопии. Публикация более подробных данных о гуманитарной деятельности этих стран в открытых источниках может привести к коррекции результатов исследования.

Также важно отметить возможность использования методологии исследования для проведения аналогичных исследований в других регионах мира, принимая во внимание особенности ограничений в доступной информации по ряду государств.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Received: October 21, 2023

Accepted: December 1, 2023

DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-4-24-36

UDC: 327

International Relations / Research article

Prospects for Humanitarian Diplomacy of the BRICS Countries in Latin America after the Expansion of the Group

Valentina A. Dmitrieva, Postgraduate Student of the Department of World Politics,
MGIMO University.

76, Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia.

E-mail: dmitrieva.v.a@my.mgimo.ru

Abstract: In August, 2023, six more states joined the BRICS format, many of which, like the five previously cooperating countries, are involved in humanitarian diplomacy. The article aims to identify new trends in the BRICS countries' humanitarian diplomacy with Latin American countries. AidData databases, press releases, websites of humanitarian agencies and foreign ministries are used to identify trends in the bilateral humanitarian activities of the BRICS countries. In the process of comparing data, the existence of bilateral (in some cases multilateral) projects with Latin American states has been systematized. The bilateral relations of BRICS countries with states excluded from humanitarian ties were also analysed in order to identify possible contradictions. As a result, it is shown that among the BRICS states, all states except South Africa are proactive in Latin America, implementing humanitarian projects with the majority of states in the region. South Africa continues to receive aid from major Latin American countries, but does not engage with the region as a donor. Among the new BRICS participants, three groups of countries are distinguished based on activity of their humanitarian diplomacy in the region: those actively cooperating with Latin American countries, those cooperating with individual states, and states with insufficient resources or insufficient interest in investing in the region. The BRICS countries that are actively involved in humanitarian ties with the region have room to develop multilateral cooperation in the humanitarian sphere.

Keywords: humanitarian diplomacy, BRICS, Iberoamerica, Latin America, international humanitarian cooperation, humanitarian policy

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

- Abdenur, A.E., Folly, M., Moura, K., Jordão, S.A.S., & Maia, P. (2014). The BRICS and the South Atlantic: Emerging arena for South–South cooperation. *South African Journal of International Affairs*, 21(3), 303–319.
- Alexander, C.R. (2014). Guatemala: Still Taiwan's Friend? In *China & Taiwan in Central America*. Palgrave Macmillan Series in Global Public Diplomacy. New York: Palgrave Macmillan.
- Cochrane, L. (2021). The United Arab Emirates as a Global Donor: What a Decade of Foreign Aid Data Transparency Reveals. *Development Studies Research*, 8(1), 49–62.

Custer, S., Dreher, A., Elston, T.B., Fuchs, A., Ghose, S., Lin, J., & Zhang, S. (2021). *Tracking Chinese Development Finance: An Application of AidData's TUFF 2.0 Methodology*. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary.

Deych, T. (2015). BRICS Regional Policy in Africa. *International Organisations Research Journal*, 10(2), 206–228.

Fan, V.Y., Grépin, K., Shen, G., & Chen, L. (2014). Tracking the Flow of Health Aid from BRICS Countries. *Bulletin of the World Health Organization*, 92(6), 457–458.

Guo, S., Sun, Yu., & Demidov, P. (2020). The Role of BRICS in International Development Assistance. *International Organisations Research Journal*, 15(2), 92–104.

Li, Y. (2019). Saudi Arabia's Economic Diplomacy through Foreign Aid: Dynamics, Objectives and Mode. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, 13(1), 110–122.

Naim, M. (2007). Rogue Aid. *Foreign Policy*. Foreign Policy; Washington.

O'Hagan, J. (2016). Australia and the Promise and the Perils of Humanitarian Diplomacy. *Australian Journal of International Affairs*, 70(6), 657–669.

Ogden, C., & Prakash, T. (2023). India's Foreign Aid to the Pacific: A Strategic Tool of Cooperation? In *Global India: The pursuit of influence and status* (pp. 191–207). Routledge.

Pinto, R.F. (2020). International Development Assistance: A Case Study of Brazil, a Member of the BRICS. In J.A. Puppim de Oliveira & Y. Jing (Eds.), *International Development Assistance and the BRICS*. Singapore, Palgrave Macmillan.

Roda, E.M., & Luiz, S.S. (2020). Tourism from Argentina in Uruguay: A Quantitative Behavioral Analysis. *Cuadernos de Turismo*, (45), 561–565.

Tapscott, C., Jing, Y., & Puppim de Oliveira, J. (2019). BRICS and International Development Assistance towards Divergence or Convergence in Development Assistance amongst North and South Donors? *Public Administration and Development*, 39(4-5), 167–173.

Tierney, M.J., Nielson, D.L., Hawkins, D.G., Timmons Roberts, J., Findley, M.G., Powers, R.M., Hicks, R.L. (2011). More Dollars than Sense: Refining Our Knowledge of Development Finance Using AidData. *World Development*, 39(11), 1891–1906.

Dmitriyeva, V.A. (2022). Osobennosti gumanitarnoy diplomatii Meksiki na sovremennom etape [Features of humanitarian diplomacy in Mexico at the present stage]. *Latinskaya Amerika*, 9, 19–35.

Gromoglasova, E.S. (2018). *Gumanitarnaya diplomatiya v sovremennykh mezhdunarodnykh ot-nosheniyakh: opyt sistemnogo issledovaniya* [Humanitarian diplomacy in modern international relations: experience of systemic research]. Moscow: IMEMO RAN.

Kuznetsov, D.A. (Ed.). (2022). *Praktika sovremennoy gumanitarnoy diplomatii* [The practice of modern humanitarian diplomacy]. Moscow, Editus.

Литература на русском языке:

Громогласова Е.С. (2018). *Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования*. М.: ИМЭМО РАН.

Дмитриева В.А. (2022). Особенности гуманитарной дипломатии Мексики на современном этапе. *Латинская Америка*. № 9. С. 19–35.

Кузнецов Д.А. (ред.). (2022). *Практика современной гуманитарной дипломатии*. М., Эдитус.

Малые государства Европы на международных переговорах (на примере стран Бенилюкс)

А.А. ПОСАЖЕННИКОВА¹

МГИМО МИД России (Россия)

М.М. ЛЕБЕДЕВА²

МГИМО МИД России (Россия)

Аннотация

В условиях формирования многоцентричного мира, расслоения ресурсного потенциала, в связи с ростом числа малых государств в мире, а также активностью крупного транснационального бизнеса, малые государства получают все больше внимания исследователей: проблематика деятельности малых государств, в том числе Европы, на международной арене в целом и на международных переговорах в частности актуализируется. Авторы статьи ставят вопрос о том, какие стратегии и тактики позволяют малым государствам Европы усиливать свои позиции на переговорах (на примере стран Бенилюкс). Изучение стратегий использования малыми странами ограниченного числа ресурсов на переговорах представляет научный и практический интерес, результаты исследования могут быть использованы в реализации внешнеполитического курса других государств, в частности Россией. В теоретическом плане исследование основано на конструктивистской методологии, т.к. переговорная тактика представляет собой (пере)формулирование проблемы, ее изменение через использование другого контекста и/или лексических единиц, а также на выделении в переговорах структурных инвариантов деятельности. В качестве методов исследования используются дискурс-анализ и анализ кейсов. В ходе изучения выявлены ограничения, с которыми на каждом этапе ведения международных переговоров сталкиваются малые государства Европы вообще и страны Бенилюкс в частности. Авторы показывают, что типы поведения малых государств Европы на международных переговорах делятся на (1) направленные на увеличение «веса» государства (взаимодействия с представителями международных институтов, НПО, лобби, организация дополнительных меро-

¹ **Посаженикова Анастасия Антоновна** – преподаватель Кафедры языков стран Северной Европы и Балтии, магистрант, МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
E-mail: posazhennikova.a.a@my.mgimo.ru

² **Лебедева Марина Михайловна** – д.полит.н., к.псих.н., профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов, МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
E-mail: World_Politics@mgimo.ru

приятий и т.д.) и (2) ориентированные непосредственно на влияние самого хода переговоров: тактики в рамках стратегии торга (формирование коалиций, собственно торг и т.д.) и основанные на убеждении ((ре)фрейминг, апеллирование к собственному «примеру» и т.д.). Для малых стран Европы, а именно стран Бенилюкс, наиболее характерны тактики убеждения, хотя иные тактики также используются.

Ключевые слова

международные переговоры, переговорные стратегии и тактики, этапы переговорного процесса, малые государства Европы, страны Бенилюкс

Для цитирования

Посаженникова А.А., Лебедева М.М. (2023). Малые государства Европы на международных переговорах (на примере стран Бенилюкс). *Управление и политика*, 2(4), С. 37–52. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-4-37-52

Малые государства в меньшей степени, чем великие державы привлекают внимание исследователей. Однако в последнее время интерес к этим государствам возрастает. Причин несколько. С одной стороны, стремление к многоцентричному³ миру подразумевает активное участие на международной арене в том числе и малых государств. С другой стороны, окончание холодной войны поставило перед этими государствами задачу во многом самостоятельного определения внешнеполитического курса. Кроме того, на рубеже 1980-1990-х гг., с окончанием периода существования биполярной системы международных отношений, число стран на карте Европы и мира, которые можно отнести к категории малых государств, выросло (Thorhallsson, Steins-son, 2017). При этом распад биполярной блоковой идеологизированной системы позволил и позволяет малым странам акцентировать важные именно с точки зрения их национальных интересов проблемы, оставаясь в рамках лояльного курса их евроатлантических и собственно европейских союзников (Швейцер, 2008).

³ В большинстве случаев речь идет о многополярном мире, что представляется не совсем точным, т.к., во-первых, в отличие от центров, полюса обладают в большей степени конкурентным, чем кооперативным потенциалом, во-вторых, когда речь идет о многополярности, обычно подразумеваются великие державы. В этой логике места малым государствам, как и негосударственным акторам, нет.

Наконец, крупный транснациональный бизнес нередко базируется именно в малых странах. В качестве примера можно привести фармацевтическую компанию Novo Nordisk со штаб-квартирой в Дании, которая поставляет на мировой рынок более 50% инсулина, или Тайваньскую компанию TSMC (Taiwan Semiconductor Manufacturing Company), которая производит микрочипы и занимает 54% соответствующего рынка.

Одновременно во второй половине XX в. – начале XXI в. происходит расслоение ресурсного потенциала. Если ранее ресурсный потенциал государства представлял собой единый комплекс военно-политической, экономической и социально-гуманитарной мощи, при важнейшей военно-политической составляющей, то, начиная с середины XX в., этот единый комплекс начинает расслаиваться. Сначала самостоятельную роль приобретает экономический ресурс, о чем свидетельствуют энергетические кризисы 1970-х гг. В XXI в. выделяется социальный и гуманитарный ресурс: все большее внимание обращается на человека, его развитие и жизненный уровень; благодаря развитию цифровых технологий информационное воздействие оказывается более доступным отдельным лицам, компаниям, малым государствам и т.д.

При этом практически всеми авторами подчеркивается, что малые страны обладают дефицитом ресурсов (см., напр., Panke, 2012a; Thorhalls-son, Steinsson, 2017; Красняк, Шатерников, 2023).

Происходящие изменения повлекли за собой рост исследовательского интереса к малым государствам. В результате в последние годы появилось немало работ по анализу поведения малых государств на международной арене, в том числе и на международных переговорах.

Международные переговоры являются площадкой взаимодействия, предоставляющей малым странам возможность высказаться по тем или иным вопросам. Изучение опыта эффективного распределения имеющегося ограниченного числа ресурсов малых стран, а также используемые ими стратегии достижения поставленных целей представляют как исследовательский, так и практический интерес, поскольку могут быть адаптированы под нужды других государств,

в т.ч. России, и их дипломатических служб. Несмотря на то, что Россия обладает намного большими ресурсами и возможностями влияния на партнеров, чем страны, рассмотренные в рамках данного исследования, их переговорная практика все же может быть интересна.

Исследовательский вопрос в данном случае заключается в следующем: каковы стратегии и тактики ведения переговоров малыми государствами, позволяющие им усиливать свои позиции на переговорах (на примере стран Бенилюкс)?

Бельгия, Нидерланды и Люксембург выбраны в качестве объекта анализа, поскольку они имеют обширный исторический опыт ведения переговоров. Кроме того, эти страны внимательно относятся к изучению международных переговоров и обучению процессу их ведения. Например, в Гааге действует Нидерландский институт международных отношений Clingendael (the Netherlands Institute of International Relations Clingendael), одно из ведущих направлений деятельности которого заключается в анализе международных переговоров и посредничества, а также переподготовки кадров в этой области⁴.

Конструктивизм выступает в качестве теоретической основы исследования при рассмотрении переговорной тактики, поскольку эта тактика представляет собой (пере)формулирование проблемы, обсуждаемой на переговорах, т.е. изменение самой проблемы через использование другого контекста и/или другой лексики для ее обсуждения. Следует отметить, что в литературе существуют работы, в которых переговоры исследуются именно с использованием конструктивистской методологии (см. например: Mattern, 2005; Hansson, 2015). В концептуальном плане исследование также основано на разработанных П.Я. Гальпериным структурных инвариантах деятельности (Гальперин, 1976) и выделении инвариантов в переговорах (Лебедева, 1993). В качестве методов исследования используются дискурс-анализ и анализ кейсов.

⁴ Clingendael – the Netherlands Institute of International Relations. URL: <https://www.clingendael.org/> (accessed: 12.11.2023)

Подходы к определению «малого государства»

В исследовательской литературе не сложилось единого определения малого государства (Thorhallsson, 2004). Предлагаются различные подходы к концептуализации этого понятия в зависимости от проблематики исследований. Представляется возможным разделить подходы к подобным определениям на две группы в зависимости от того, каким образом в них понимается фактор имеющихся у рассматриваемых государств ресурсов: атрибутивно или относительно. Иными словами, в абсолютных значениях или по сравнению с другими государствами, участвующими в переговорном формате, в международной организации, или в интеграционном объединении.

Примером атрибутивного подхода служит позиция Всемирного банка, который в качестве определяющего ресурса выбирает население и считает малыми государствами те, население которых не превышает 1,5 млн человек⁵.

В каком-то смысле попытку срединного подхода представляет В.Я. Швейцер, отмечая, что «[по] совокупному критерию “территория – население”, в Западной Европе в ранге “больших” останутся лишь Великобритания, Германия, Испания, Италия, Франция» (Швейцер, 2008).

Интересен подход Д. Панке, предлагающей в качестве малых государств рассматривать те, которые обладают менее чем средними показателями по актуальному конкретной ситуации. Так, если речь идет о торгово-экономических переговорах – например, в рамках ВТО, – то малыми государствами будут считаться те, чей ВВП ниже среднего арифметического для всех участвующих стран; в других ситуациях могут использоваться иные критерии (например, численность населения). В качестве универсального критерия – т.е. в случае, если выделить один критерий затруднительно, – предлагается использовать экономическую

⁵ См. Small States Overview. World Bank. (URL: <https://www.worldbank.org/en/country/smallstates/overview>) (accessed: 12.11.2023)

мощь государства (т.е. ВВП), поскольку в определенной степени экономические ресурсы могут восполнить ограниченность других ресурсов, а при их недостаточном количестве государство неизбежно находится в более слабой позиции (Panke, 2012a).

Обладая ограниченным количеством ресурсов, малые государства вынуждены получать эти ресурсы (экономические, человеческие и т.д.) извне, что делает зависимость от внешних условий среды основной характеристикой этого типа государств (Романова, 2014). В стратегическом плане это приводит к выбору многих малых стран в пользу экономической открытости (см. концепцию малой открытой экономики (Calvo, Végh Gramont, 1990)), однако с точки зрения как экономических, так и потенциальных военно-политических проблем подобная открытость может поставить страну под угрозу (Швейцер, 2008).

Тем не менее, данная стратегия доказала свои преимущества, т.к. позволила ряду малых государств обеспечить крайне высокие показатели конкурентоспособности за счет «встраивания» в международную систему (Thorhallsson, Steinsson, 2017), благодаря нахождению собственной «ниши»: формированию привлекательного инвестиционного климата, в т.ч. развивая сферы науки и образования, а также опираясь на социальную стабильность (Швейцер, 2008; Романова, 2014). Необходимо отметить, что, помимо непосредственных экономических выгод, успешная деятельность на переговорах укрепляет «мягкую силу» малых государств, принося им политические «очки» в виде положительного образа страны, способной на экономическое процветание, научные инновации и т.д. (Панова, 2010, Лебедева, 2017)

В дипломатии малых государств отмечается особый акцент на мультилатерализме как принципе внешней политики и активном участии в деятельности международных организаций и интеграционных объединениях. Таким образом, малые страны стремятся «повысить свою субъектность» (Thorhallsson, Steinsson, 2017) и укрепить национальную безопасность (Швейцер 2008), т.к. подобные структуры требуют от всех игроков на международной арене соблюдения норм и правил,

в т.ч. равенства и взаимного уважения, что выгодно государствам, в меньшей степени способным отразить потенциально возможную агрессию.

Проблема ресурсов малых государств Бенилюкс в международных переговорах

Недостаток ресурсов малых государств имеет ряд последствий при ведении переговоров. Так, ограниченное количество располагаемых ресурсов, как правило, транслируется в ограничения государственного бюджета. В свою очередь, ограниченный размер государственного бюджета означает, что малые страны могут испытывать также и нехватку людских ресурсов в осуществлении своей внешней политики. Разумеется, ряд малых европейских стран обладают крайне профессиональным дипломатическим корпусом и возможностями привлечения аналитического сообщества. Однако в условиях усложнения проблематики современной мировой политики людских ресурсов таким странам не хватает (Thorhallsson, 2004; Meerts, 2015).

Следует заметить, что как экономическая ситуация в малых странах зависит от конъюнктуры на мировых рынках, так и позиция их на переговорах часто зависит от процедур голосования и принципов принятия решения: очевидно, что наиболее благоприятный для малых стран исход достигается при равенстве голосов всех государств и единогласном принятии решений (Lehtonen, 2009).

В процессе переговоров выделяется три этапа: уточнение позиций, дискуссия, работа над соглашением (Лебедева, 1993). На этапе взаимного уточнения позиций сторон наиболее остро актуализируются ограничения в людских ресурсах, т.к. нехватка (квалифицированных) специалистов приводит к замедленной разработке позиции государства на переговорах и зачастую к их недостаточной гибкости – поскольку последняя требует оперативных изменений, особенно по важным вопросам, – а также к ограничению возможностей нетворкинга, а значит к угрозе недостаточной осведомленности о позициях партнеров (Panke, 2012a).

Что касается этапов дискуссий об общих чертах обсуждаемого решения и работы над текстом соглашения, из сравнительно небольшого количества ресурсов в распоряжении малых государств вытекают ограничения в использовании давления на партнера и других тактик в рамках стратегии торга, т.к. роль малой страны *per se* недостаточно значительна для того, чтобы торг мог быть убедителен – иными словами, значимость выхода из переговоров сравнительно небольшого государства довольно низка (Lehtonen, 2009; Panke, 2012a). Ограниченный размер государственного бюджета, помимо указанных выше последствий в кадровом вопросе, также приводит к меньшим возможностям «компенсаций» (*side-payments*) партнерам в переговорных форматах, что может серьезно сказываться на характере принимаемых решений, особенно в тех сферах, где предполагается взаимодействие государственных и частных акторов, таких как климатическая повестка (Bailer, 2011). Наконец, ограничения в людских ресурсах на втором и заключительном этапах переговорного процесса транслируются в ограничения в численности — и, вероятно, представительности — делегаций, сужение возможностей выработки компромиссов, а также разработки стратегий убеждения (Panke, 2012a; Meerts, 2015).

Очевидно, что выбор переговорных тактик малыми государствами должен быть подчинен цели преодоления ресурсной недостаточности. В литературе отмечается, что основным средством этого – как и в экономике – выступают специализация и приоритизация ограниченного числа наиболее важных для конкретного малого государства сфер международного взаимодействия (Lehtonen, 2009; Panke, 2012a; Meerts, 2015; Thorhallsson, Steinsson, 2017). Так, Люксембург, чья постиндустриальная экономика в значительной степени зависима от состояния банковского сектора и позиций страны как «налоговой гавани», наиболее активен именно в переговорах по вопросам о согласовании мер, которые могут отразиться на финансовом секторе (Meerts, 2015; Thorhallsson, Steinsson, 2017). Выбор ограниченного числа наиболее приоритетных для государства сфер взаимодействия позволяет сосредоточить ограниченные ресурсы на этих сферах.

В Таблице 1 в суммарном виде представлены ограничения, с которыми сталкиваются государства Бенилюкс на международных переговорах на каждом этапе их ведения.

Таблица 1.

**Ограничения малых стран (стран Бенилюкс)
на этапах международных переговоров**

Этапы переговоров / ограничения	Взаимное уточнение позиций	Дискуссии	Работа над соглашением
Ограничения в обеспеченности ресурсами	Замедленная разработка позиций, их недостаточная гибкость, ограниченные возможности общения с партнерами (нетворкинга)	Ограничения в возможностях использования стратегии торга (давления)	
Ограничения в объеме государственного бюджета		Ограничения в возможностях использования тактики «компенсаций» (side-payments)	
Ограничения в числе квалифицированных специалистов		Ограничения в численности делегаций, ограниченные возможности выработки компромиссов, разработки стратегий убеждения	

Table 1. Small States' (Benelux Countries') Limitations by Stage of International Negotiations

Источник: составлено на основе работ Thorhallsson, 2004; Bailer, 2011; Panke, 2012a; Meerts, 2015; Лебедева, 1993.

Переговорные стратегии и тактики Бельгии, Нидерландов, Люксембурга

Преодоление нехватки ресурсов как главного вызова малым государствам в рамках международных переговорных процессов может осуществляться различными способами. Государство может стремиться увеличить свой «вес» как акторов в той сфере, которая относится к наиболее приоритетных для их внешней политики (Panke, 2012a). Иными словами, этот подход заключается в компенсации указанного дефицита альтернативными методами – использованием ресурсов и инструментов, которые не привлекают настолько же значительного внимания крупных государств. Например, компенсировать недостаток квалифицированных специалистов по той или иной проблематике можно

путем взаимодействия с представителями международных институтов – международных организаций и интеграционных объединений (Thorhallsson, 2004; Panke, 2012a), а также неправительственных организаций (НПО). Н. Кание отметил активное вовлечение правительством Нидерландов различных НПО, ведущих деятельность в сфере экологии, защиты окружающей среды и т.д., к разработке государственных планов в данной сфере, направленных на обеспечение стране глобального лидерства в экологических вопросах как одной из приоритетных областей ее внешней политики; это вовлечение НПО включает формулировку позиции страны на международных площадках (Kanie, 2003) и даже участие в составе национальных делегаций (Bailer, 2011).

Кроме того, более плотные контакты с сотрудниками различных органов международных организаций и интеграционных объединений могут способствовать получению «инсайдерской» информации (и тем самым частично компенсировать трудности, испытываемые делегациями малых стран на этапе дискуссий) и выстраиванию положительных личных отношений, особенно в случае неформальных встреч (Thorhallsson, 2004).

Для малых стран Европы, которые видят тесное взаимодействие в рамках Европейского союза как свой первоочередной национальный интерес, в том числе в области безопасности (Швейцер, 2008), критически важно направить ресурсы на это направление внешней политики. В частности, активизация контактов может осуществляться путем организации и проведения дополнительных мероприятий. Как отмечает С. Бэйлер, подобные мероприятия могут использоваться для обмена информацией, вынесения новых вопросов на переговоры, представления свежих точек зрения и вариантов уязвок тех или иных вопросов (Bailer, 2011). Подобные мероприятия также позволяют представителям малых государств установить контакты с другими субъектами политики в той или иной сфере, например, лоббистскими группами (Kanie, 2003).

В научной литературе отмечается важность фактора опыта малого государства в вопросах взаимодействия на той или иной многосторонней платформе для успешного ведения переговоров (Kanie, 2003; Panke, 2012a; Meerts, 2015). Это повышает осведомленность о механизмах деятельности

структур и организаций, а значит и возможности их использования в пользу государства. П. Меертс отмечает, что малые государства члены «европейской шестерки» (государств основателей ЕОУС, а затем Европейских сообществ) – в том числе страны Бенилюкс – находятся в более выгодном положении на переговорах в Европейском союзе, т.к. имеют опыт участия в этом интеграционном объединении длиной в десятилетия, в то время как более крупные страны, присоединившиеся в 2000 х гг. (в частности, «новая Европа» – бывшие социалистические страны), не могут так же эффективно отстаивать свои интересы (Meerts, 2015).

В то же время, малые государства могут сделать выбор в пользу применения различных тактик влияния непосредственно на то, как протекает сам переговорный процесс и как будет выглядеть решение, которое стороны примут по его итогам. Д. Панке разделяет эти тактики на две группы: относящиеся к стратегиям торга и стратегии убеждения; для малых стран наиболее характерны вторые, однако и стратегии торга могут быть эффективны, в случае если этим государствам удастся представить (фреймировать) предмет переговоров как один из критически важных для себя вопросов внешней политики, стабильно занимающий высокие позиции во внешнеполитической повестке страны (Panke, 2012a).

Интересно, что эта стратегия переговорной деятельности отличается от стратегии совместной с партнером выработки решения проблемы (Фишер, Юри, 1990): стратегия убеждения противопоставлена торгу не в том, что предполагает конструктивное взаимодействие (убеждение является односторонним действием), а в том, какую цель преследуют представители страны: «перетянуть» партнера на свою сторону (убеждение) или же добиться уступок с его стороны (торг).

Среди стратегий убеждения, в частности, представляется возможным выделить (ре)фрейминг, позволяющий, по крайней мере частично, перенести обсуждение в другую проблемную сферу, где позиции или аргументы малого государства могут быть сильнее. Д. Панке приводит пример Дании, которой удалось перенести переговоры по исключительно торговому кейсу, относившемуся к сфере обеспечения свободы

передвижения товаров, в плоскость обсуждения будущего ЕС в целом и актуального тогда – в частности, для внутренней датской политической повестки – вопроса о Европейской конституции (Panke, 2012b).

К данной группе стратегий также стоит отнести убеждение с опорой на «технические», «моральные» или «правовые» аргументы. Выбор оснований для аргументации, вероятно, должен осуществляться в зависимости от проблематики обсуждения. «Технические» и «правовые» аргументы представляются наиболее уместными в рамках обсуждения вопросов, подразумевающих, соответственно, научное обоснование или релевантную правовую основу; если малому государству удастся сформировать команду экспертов, специализирующуюся в обсуждаемой узкой сфере, то ему, возможно, удастся задать «рамку» обсуждения несмотря на сравнительно меньший «вес» на переговорной арене. «Моральные» аргументы, т.е. попытки апеллировать к ценностным установкам, особенно актуальны для стран Европы с ее попытками реализации «нормативной силы» (Manners, 2002) и потому, вероятно, могут способствовать привлечению большего внимания к представителям малых стран.

Еще одна тактика, соответствующая стратегии убеждения, заключается в апеллировании к собственному внутривластному опыту как прецеденту. Так, Н. Канье проанализировал опыт Нидерландов в имплементации ряда мер климатической политики и защиты окружающей среды в преддверии обсуждений Киотского протокола 1997 .., что позволило государству выступить в роли лидера на последовавших переговорах (Kanie, 2003), а Т. Лехтонен отметила неоднократные попытки Бельгии подкреплять свою точку зрения, а именно необходимость более активного взаимодействия между институтами ЕС и национальными правительствами, собственным опытом диалога между федеральными и региональными уровнями власти (Lehtonen, 2009).

Негативные последствия стратегии торга отчасти могут быть компенсированы путем последовательного акцентирования малым государством конкретной проблематики в своей позиции на переговорах.

Иными словами, если участие этого государства будет рассматриваться большинством участников как необходимое условие, чтобы считать переговоры состоявшимися, зависимость его «веса» от реальной обеспеченности ресурсами снижается.

В соответствии с логикой балансирования, привычной для исследований системы международных отношений, возможно предположить, что малые страны склонны формировать коалиции друг с другом, чтобы заставить более крупные страны прислушаться к их голосу или, в случае если принятие решения предполагает процедуру голосования, — обеспечить своим предложениям более широкую поддержку. Однако Т. Лехтонен в исследовании переговоров о договорах в ЕС доказывает, что частота создания коалиций в составе лишь малых стран не так высока, как можно было бы предположить. Схожесть позиций оказывается более значимым фактором в формировании переговорных коалиций, чем схожесть по силовым/ресурсным параметрам (Lehtonen, 2009). Так, вероятно, использование малыми государствами коалиционной тактики на переговорах упирается в способность преодолеть указанные выше ограничения, связанные с меньшими, чем у крупных стран, возможностями подробно изучить позиции партнеров.

В целом типы поведения малых государств Европы на международных переговорах можно разделить на две большие группы: 1) направленные на увеличение «веса» государства (взаимодействия с представителями международных институтов, НПО, лобби, организация дополнительных мероприятий и т.д.) или же 2) ориентированные непосредственно на влияние самого хода переговоров. В свою очередь, последние подразделяются на соответствующие стратегии торга (формирование коалиций, собственно торг и т.д.) и убеждения (ре)фрейминг, апеллирование к собственному «примеру» и т.д.). Для малых стран наиболее характерны тактики убеждения, однако и другие тактики они используют достаточно широко в рамках укрепления своих международно-политических позиций.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет-2030»

Received: November 25, 2023

Accepted: December 15, 2023

DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-4-37-52

UDC: 327

International Relations / Research article

Small States of Europe in International Negotiations (Case of Benelux Countries)

Anastasia A. Posazhennikova, Lecturer at Department of North European and Baltic Languages, MA student, MGIMO University.
76, Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia.
E-mail: posazhennikova.a.a@my.mgimo.ru

Marina M. Lebedeva, Dr. (Political Science), PhD (Psychology), Professor, Head of World Politics Department, MGIMO University.
76, Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia.
E-mail: World_Politics@mgimo.ru

Abstract: With a multicentric world forming and stratification of resource potential taking place, as well as with more small states in Europe and the world and emerging big multinationals here, small states receive more and more researchers' attention: there appear papers analyzing activities of small states in Europe in the international arena in general and in international negotiations in particular. This article answers the following research question: What strategies and tactics allow small European states to strengthen their positions in negotiations (based on the case of the Benelux countries)? The strategies used by small countries in negotiations to compensate for limited resources is of scientific and practical interest as it can be applied by other states, namely Russia. Theoretically, the study is based on constructivist methodology as negotiation tactics effectively (re)formulate the issue, changing it through the use of a different context and/or lexical units, as well as on structural invariants of activity in negotiations. Discourse analysis and case study are used as research methods. The analysis identified the limitations that small European states, in particular the Benelux countries, face at each stage of international negotiations. The authors conclude that the types of behavior small European states demonstrate in international negotiations can be divided into those (1) aimed at increasing the "weight" of the state (e.g., interaction within international institutions, with NGOs and lobbies, organizing side events, etc.) and (2) focused on influencing the course of negotiations: tactics within the bargaining strategy (coalition-building,

bargaining, etc.) and tactics based on persuasion ((re)framing, appealing to one's own "example", etc.). For small European countries, namely the Benelux countries, persuasion tactics are most typical, although other tactics are also used.

Keywords: international negotiations, negotiation strategies and tactics, stages of negotiation process, small European states, Benelux countries

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Acknowledgements: The publication was supported by MGIMO University "Priority-2030" programme

Список литературы / References:

Bailer, S. (2011). *Bargaining Resources and Strategies in Climate Change Negotiations*. Swiss Network of International Studies, Zurich.

Calvo, G., Végh Gramont, C.A. (1990). Interest Rate Policy in a Small Open Economy: The Predetermined Exchange Rates Case. *IMF Staff Papers*, 004, A002, 753–776. DOI: 10.5089/9781451930788.024.A002

Hansson, S. (2015). Discursive Strategies of Blame Avoidance in Government: A Framework for Analysis. *Discourse & Society*, 26(3), 297–322. DOI: 10.1177/0957926514564736

Kanie, N. (2003). Leadership in Multilateral Negotiation and Domestic Policy: The Netherlands at the Kyoto Protocol Negotiation. *International Negotiation*, 8(2), 339–365. DOI: 10.1163/157180603322576158

Lehtonen, T. (2009). *Small states – Big negotiations, Decision Making and Small State Influence in EU Treaty Negotiations*. Florence European University Institute. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/45676303.pdf> (accessed: 06.12.2023)

Manners, I. (2002). Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*, 40(2), 235–258. DOI: 10.1111/1468-5965.00353

Mattern, J.B. (2005). Why 'Soft Power' Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics. *Millennium*, 33(3), 583–612. DOI: 10.1177/03058298050330031601

Meerts, P. (2014). *Diplomatic negotiation: essence and evolution*. Clingendael Institute. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/Diplomatic_Negotiation_Web_2015.pdf (accessed: 06.12.2023)

Panke, D. (2012a). Dwarfs in International Negotiations: How Small States Make Their Voices Heard. *Cambridge Review of International Affairs*, 25(3), 313–328. DOI: <https://doi.org/10.1080/09557571.2012.710590>

Panke, D. (2012b). Small States in Multilateral Negotiations. What Have We Learned? *Cambridge Review of International Affairs*, 25(3), 387–398. DOI: 10.1080/09557571.2012.710589

Thorhallsson, B. (2004). Can Small States Influence Policy in an EU of 25 Members? In: Busek, E., Hummer, W. (Eds.) *Liechtenstein Politische Schriften*, 39, 330–347, Verlag der Liechtensteinischen Akademischen Gesellschaft.

Thorhallsson, B., Steinsson, S. (2017). Small State Foreign Policy. The Oxford Research Encyclopedia of Politics, May 24. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.484> (accessed: 06.12.2023)

Galperin, P.YA. (1976). *Vvedenie v psihologiyu* [Introduction to Psychology.] Mocsow, Izd-vo Moskovskogo universiteta. (In Russian)

Krasnyak, O.A., Shaternikov, P.S. (2023). Diplomatiya malyh gosudarstv: analiz vozmozhnostej i ogranichenij na primere Vostochnogo Timora. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [The Diplomacy of Small States: Exploring Opportunities and Limitations in the Case of Timor-Leste. *MGIMO Review of International Relations*] 16(3), 138–152. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-3-90-138-152. (In Russian)

Lebedeva, M.M. (1993). *Vam predstoyat peregovory* [You are expecting negotiations.] Moscow, Ekonomika. (In Russian)

Lebedeva, M.M. (2017). "Myagkaya sila": ponyatie i podhody [Soft Power: The Concept and Approaches]. *MGIMO Review of International Relations*, 3(54), 212–223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223. (In Russian)

Panova, E.P. (2010). Sila privlekatel'nosti: ispol'zovanie «myagkoj vlasti» v mirovoj politike [Force of appeal: use of the «soft power» in world politics]. *MGIMO Review of International Relations*, 4(13), 91–97. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-4-13-91-97. (In Russian)

Romanova, L.A. Malye strany Evropy: osobennosti konkurentosposobnosti. [Small countries of Europe: features of competitiveness]. *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' — Observer*, 7(294), 61–69. (In Russian)

Литература на русском языке:

Гальперин П.Я. (1976). Введение в психологию. М.: Изд-во Московского университета.

Красняк О.А., Шатерников П.С. (2023). Дипломатия малых государств: анализ возможностей и ограничений на примере Восточного Тимора. *Вестник МГИМО-Университета*. № 16(3). С. 138–152. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-3-90-138-152

Лебедева М.М. (1993). *Вам предстоят переговоры*. М.: Экономика.

Лебедева М.М. (2017). "Мягкая сила": понятие и подходы. *Вестник МГИМО-Университета*. № 3(54). С. 212–223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223

Панова Е.П. (2010). Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике. *Вестник МГИМО-Университета*. № 4(13). С. 91–97. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-4-13-91-97

Романова Л.А. (2014). Малые страны Европы: особенности конкурентоспособности. *Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer*. № 7(294). С. 61–69.

Фишер Р., Юри У. (1990). *Путь к согласию, или переговоры без поражения*. Пер. с англ. М.: Наука.

Швейцер В.Я. (2008). Европа: большой опыт малых стран. *Современная Европа*. № 4(36). С. 46–58.

Проблемы и издержки ретрансляции гуманитарной политики в условиях цифровой неопределенности

Ю.Ю. КОЛОТАЕВ¹

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Аннотация

Статья рассматривает проблематику ретрансляции достижений гуманитарной политики Российской Федерации в условиях фрагментированного информационного пространства. Современная цифровая реальность накладывает множественные структурные ограничения на достижения задач гуманитарной деятельности государства за рубежом, что прежде всего выражено в проблемах формирования имиджа страны через онлайн-платформы, активно препятствующие российской мягкой силе. Цель статьи – установление ключевых сценариев реагирования на сложившиеся ограничения в области ретрансляции гуманитарной политики. Методологической основой служат сценарный анализ, а также элементы агентного моделирования при описании деятельности цифровых платформ в процессе ретрансляции и модерации информации. В работе исследуются проблемы терминологического плюрализма, связанного с категорией «гуманитарная политика», а также идеологические и нормативные ограничения, накладываемые на российскую гуманитарную деятельность. Кроме того, в работе описываются механизмы цифрового вмешательства онлайн-платформ в информационное пространство, а также моделируются три базовых и один вспомогательный сценарий реагирования на подобные вызовы. Среди базовых сценариев выделяются: формирование альтернативного информационного пространства, конвергенция с информационным пространством других стран, восстановление статуса в глобальном пространстве. Каждый из сценариев имеет свои репутационные и технические издержки, на решение которых направлен вспомогательный сценарий, основанный на обращении к менее распространенным, но сравнительно независимым информационным площадкам. Основным выводом данной статьи является необходимость выработки в рамках российской гуманитарной и информационной политики сбалансированного подхода, учитывающего издержки всех ключевых сценариев, а также опирающегося на реальное соотношение технических возможностей и определяемых целей.

¹ **Юрий Юрьевич Колотаев** – ассистент кафедры европейских исследований, Факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д.1/3, подъезд № 8.
E-mail: yury.kolotaev@mail.ru

Ключевые слова

гуманитарная политика, мягкая сила, Россия, цифровые платформы, новые медиа, гейткипер, цифровая дипломатия

Для цитирования

Колотаев Ю.Ю. (2023). Проблемы и издержки ретрансляции гуманитарной политики в условиях цифровой неопределенности. *Управление и политика*, 2(4), С. 53–67. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-4-53-67

Гуманитарная политика как элемент внешнеполитического имиджа является неотъемлемой составляющей регионального и глобального проецирования интересов и возможностей современных государств. Многообразие форм гуманитарной деятельности, выраженное в различных формах социокультурного сотрудничества, участия в государственном или международном развитии, а также помощи в рамках кризисного или конфликтного урегулирования, предоставляет международным акторам вариативный инструментарий усиления своего положительного имиджа, конвертируемого в «нормативный» и «имиджевый» капитал. Несмотря на сохранение значимости классической силовой политики в реалиях XXI века, гуманитарная политика превращается в обязательный сопутствующий аспект внешнеполитического планирования. Ключевой причиной для этого выступает ограниченность средств традиционной силовой политики, выраженной в высоких материальных, а иногда и репутационных издержках для государства, которые в условиях информационного общества имеют активный социальный отклик.

Вместе с тем, при всем плюрализме методов гуманитарной политики, существует важное препятствие в обеспечении ее эффективности, сопряженное с возможностью ее информационной ретрансляции. Под ретрансляцией подразумевается активное распространение положительных нарративов в глобальном информационном пространстве, с целью мультипликации репутационных эффектов от деятельности государственных институтов по оказанию гуманитарной помощи или выстраиванию кооперативных социокультурных связей. Ключевым препятствием в вопросах ретрансляции является доступность

тех или иных информационных площадок глобального масштаба для отдельных государств. Особенно актуальной данная проблематика является для Российской Федерации, находящейся на сегодняшний день в ситуации сокращения информационного присутствия в рамках наиболее распространенных в мире цифровых платформ и медиа в силу обострения глобальной конфронтации со странами Запада.

Исходя из обозначенной проблематики, в рамках статьи ставится цель формирования ключевых сценариев реагирования на проблему ограничения ресурсов ретрансляции гуманитарной политики в информационных реалиях XXI века. Основной фокус работы направлен на объяснение связанности гуманитарной деятельности с информационно-сетевыми ресурсами, а также на анализ ограничений глобального цифрового пространства, сформировавшегося к началу 2020-х гг. Отдельное внимание уделено Концепции гуманитарной политики России за рубежом, а также соотношению возможностей реализации данной концепции с текущим положением России в мировом коммуникационном пространстве.

Гуманитарная политика: терминологические и идеологические аспекты

Определение содержания, стоящего за понятием «гуманитарная политика», является принципиальной отправной точкой для анализа внешнеполитической деятельности, сопряженной с гуманитарной деятельностью. Само по себе понятие имеет двойственное положение, связанное с внутренней и внешней противоречивостью.

Первый аспект вызван терминологическим плюрализмом понятия (Бохан, 2021, с. 153), сопряженного с широким спектром активности государственных и негосударственных акторов в гуманитарной сфере. У «гуманитарной политики» отсутствует унифицированная трактовка как в научном, так и в правовом пространстве. В коннотации различных научных школ она может отражать работу над имиджем государства (Великая, Семедов, 2020), помощь жертвам конфликтов (Громогласова, 2018)

или широкое культурное сотрудничество с другими странами. В наиболее общем представлении, под гуманитарной политикой стоит понимать внешнеполитический инструмент «по формированию благоприятного образа страны» (Великая, Семедов, 2020, с. 56). Такой инструмент задействует культурный, научный, социальный и информационный потенциал государства для построения международного имиджа, способного дать международные преимущества при дальнейшей торгово-экономической и политической деятельности страны.

Вместе с тем, гуманитарная политика может стать инструментом в руках и негосударственных акторов. К примеру, Международный Комитет Красного Креста также претендует на проведение гуманитарной политики, специализируясь при этом на «обеспечении лучшей защиты и помощи людям, пострадавшим в результате вооруженных конфликтов и других ситуаций, сопряженных с насилием»². В данном случае речь идет не о «формировании образа», а о решении гуманитарных проблем посредством дипломатических и глобальных каналов.

Помимо терминологических разночтений внутреннего характера следует отметить и противоречивость связи с другими концепциями, в частности, с категориями «публичной дипломатии», а также «мягкой» и «острой силы». Связь гуманитарной политики с первой проявляется в ориентации на диалог с зарубежным обществом посредством государственных и негосударственных каналов. Но если гуманитарная политика прибывает в социокультурной сфере, то публичная дипломатия распространяется на политическое пространство с применением политических и неполитических инструментов. Вместе с тем, проблема внешней противоречивости проявляется не столько в разграничении политического и неполитического, сколько в экстраполяции политических проблем на неполитическую сферу, что наиболее заметно, в частности, при интерпретации российской публичной дипломатии и гуманитарной политики через призму мягкой/острой силы.

² Humanitarian Policy / International Committee of the Red Cross. URL: <https://www.icrc.org/en/humanitarian-policy> (дата обращения: 05.11.2023)

Если в классическом понимании гуманитарная и публичная деятельность являются типичными примерами мягкой силы, то в условиях актуальной конфронтационной повестки со странами Запада российская мягкая сила и публичная деятельность в гуманитарной сфере стигматизируются как инструменты пропаганды (Бурлинова, 2023). В данном случае мягкая сила преобразуется в «острую», закрепляющую манипулятивный статус гуманитарных действий в глазах западного сообщества. Следует отметить, что подобный статус «острой» гуманитарной и публичной политики закреплён не только за Россией, но и за КНР, ведущей активную культурную и информационную деятельность, направленную на внешнюю аудиторию.

Таким образом, вопросы терминологии накладываются на идеологический аспект, который указывает на проблему внешней дискредитации гуманитарной политики, создающий изначальные преграды для эффективной гуманитарной деятельности. Однако, помимо идеологического компонента, важно учитывать характеристики информационной среды и их соотношение с приоритетными направлениями гуманитарной политики отдельного государства.

Российская гуманитарная политика и особенности современного цифрового пространства

Активизация российской гуманитарной политики в прошлом и текущем десятилетиях, совпавшая с расцветом цифровых технологий, привела к приоритизации формирования благоприятного образа страны в рамках внешней информационной и гуманитарной деятельности государства. Данный приоритет был закреплён в Концепции гуманитарной политики РФ за рубежом, утверждённой Указом Президента России от 05.09.2022 г. № 611.³ Исходя из Концепции, гуманитарная политика

³ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом // Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/ (дата обращения: 03.10.2023)

призвана обеспечить «формирование объединительной международной повестки дня», в рамках которой культура является «эффективным инструментом сглаживания противоречий»⁴. При этом ключевым приоритетом и целью гуманитарной деятельности, в соответствии с широкой трактовкой понятия «гуманитарная политика», выступает формирование и укрепление объективного восприятия страны в мире.

Исходя из основных направлений гуманитарной политики России, одной из наиболее насущных задач, стоящих перед страной, выступает использование возможностей медиа (новых и традиционных), а также современных технологий в более широком смысле в формировании достоверного образа России на международной арене. Эта задача параллельно совпадает с нарастающими попытками политизации гуманитарной сферы, что выражается в отраженной ранее тенденции представления российской мягкой силы в форме инструмента информационного влияния и пропаганды. Вместе с тем политизация и стремление использовать новые медиа для информационного сопровождения гуманитарных мероприятий находятся в прямом противоречии.

С одной стороны, определение цифровых и социальных онлайн-платформ, равно как и «расширение российского присутствия в сети Интернет»⁵ в качестве ключевых ресурсов ретрансляции гуманитарной политики ставит видимость проводимых действий в прямую зависимость от технологических возможностей страны, а также доступности основных медиа-площадок. С другой стороны, политизация гуманитарной сферы распространилась на большой круг вопросов, касающихся не только отношения к транслируемой со стороны России информационной повестки, но и вопросов ограничения доступа для российских информационных ресурсов к глобальному информационному пространству.

В этом отношении важно отметить несколько ключевых характеристик современной цифровой среды в целом, имеющих важные последствия для ретрансляции гуманитарной политики, в частности. Информационное

⁴ Там же.

⁵ Там же.

пространство, сосредоточенное вокруг сетевой инфраструктуры Интернета, к моменту 2020-х гг. отражает во все меньшей степени идеалы свободы и безбарьерной цифровой среды начала XXI века. На текущий момент цифровая сфера испытывает все большее количество прямых и косвенных ограничений, связанных с последствиями глобальных политических процессов в сети.

Наиболее фундаментальными явлениями в этой связи выступают цифровая сегментация глобальной сети, а также социальная поляризация внутри нее. Первый процесс выражен в формировании «суверенных» информационных пространств внутри глобальной сети, что сопряжено с желанием государственных акторов восстановить размывающийся суверенитет в информационном пространстве, а также обеспечить национальные интересы защиты прав своих граждан путем активного регулирования информационной среды, наложения ограничений к доступу или распространению данных (на уровне платформ или провайдеров) и создания новых условий хранения и использования данных граждан (к примеру, путем локализации центров их хранения в национальных границах государства). Такая тенденция ведет к «балканизации интернета» (Hill, 2012), выраженной в растущем количестве издержек для информационных акторов, что снижает открытость информационного пространства в целом.

Параллельно с этим внутри самих цифровых сообществ, отражающих различные социальные группы в онлайн-пространстве, образуются фактические разделительные линии в виде закрытых в рамках своей информационной повестки объединений (эхо-камеры) (Ross Arguedas et al., 2022). Подобные процессы отражают цифровое выражение социальной поляризации, которая лишь усиляется из-за специфики архитектуры основных онлайн-платформ. Для них возможность поляризации общества становится ресурсом сохранения внимания, а, следовательно, удержания потенциального пользователя дольше в рамках самой платформы.

Эта особенность современного информационного пространства сочетается с тем, что новые медиа перенимают на себя функции и возможности традиционных медиа, выраженных в возможностях

управления общественным сознанием через инструменты так называемых «медиа эффектов» – фрейминга, прайминга и установления повестки дня (Kolotaev & Kollnig, 2021). Во многом контроль за информационной повесткой со стороны социальных сетей осуществляется через механизмы распределения контента (Srivastava, 2023), завязанные на проприетарных алгоритмах, равно как на других способах подсвечивания или выдачи контента.

В контексте информационных аспектов гуманитарной политики России, а также других государств данные особенности информационного пространства вызывают особые проблемы для ретрансляции образа государства. Прежде всего, названные издержки становятся фундаментальным препятствием для деятельности государств из-за явного дисбаланса распределения основных информационных платформ. Если обратиться к актуальной статистике лидерства тех или иных новых медиа в различных регионах, то данные отражают безоговорочное лидерство платформ, принадлежащих компании Meta – Facebook и Instagram (Facebook и Instagram – ресурсы компании Meta Platforms Inc.*, признанной экстремистской и запрещенной на территории России), что сопряжено с высокими издержками для российской гуманитарной политики. Для данных платформ характерна и уже названная активная политизация информационной деятельности России, и активные практики дискредитации российских действий на уровне модерации.

Показательным примером в этой связи, в частности, стали действия названных соцсетей в 2022 г., когда в официальном заявлении руководства компании было временно обозначено частичное право публиковать русофобный контент, несмотря на противоречие правилам сообщества⁶. Эта ситуация напрямую проиллюстрировала как информационный «посредник» злоупотребил своим исключительным положением,

⁶ Facebook и Instagram временно разрешат призывы к насилию в отношении российских военных / Interfax. URL: <https://www.interfax.ru/world/827511> (дата обращения: 11.10.2023); Facebook temporarily allows posts on Ukraine war calling for violence against «Russian invaders» / CNN Business. URL: <https://edition.cnn.com/2022/03/10/tech/facebook-instagram-russians/index.html> (дата обращения: 11.10.2023).

* Facebook и Instagram – ресурсы компании Meta Platforms Inc., признанной экстремистской и запрещенной на территории России.

определив допустимость частных проявлений ненавистнической риторики и дискурса на своей платформе, устанавливая таким образом общую повестку.

Другим примером активного вмешательства в процесс ретранслируемой информации в отношении российских источников стали действия другой платформы – видеохостинга YouTube, заблокировавшего деятельность ряда российских СМИ в 2021 и 2022 гг.⁷ Подобная практика получила наименование «деплатформинг», отражающая более жесткие формы модерации путем удаления контента, каналов или пользователей с платформ.

Вместе с установлением повестки, деплатформинг иллюстрирует явные ограничения и возможности ретрансляции российской гуманитарной политики в целях укрепления мягкой силы из-за сложившегося в рамках ключевых информационных платформ негласного консенсуса относительно предвзятой модерации российского контента. Данные особенности современной среды заставляют критически переоценить роль информационно-технологического фактора при разработке гуманитарной политики, а также определить возможные сценарии преодоления сложившихся ограничений.

Сценарии реагирования на ограничения возможностей ретрансляции гуманитарной политики

Региональное и глобальное выражение влияния современных цифровых платформ посредством деплатформинга, информационного лидерства, а также статуса «гейткипера», т.е. посредника управляющего доступом и отображением информации. В контексте текущего лидерства западных онлайн-платформ, данное обстоятельство накладывает

⁷ YouTube объявил о блокировке российских аккаунтов СМИ, финансируемых государством / ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14046243> (дата обращения: 10.10.2023); Youtube удалил два немецких канала RT без возможности восстановления / Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/news/2021/09/28/888791-youtube-udalil-dva-nemetskih-kanala-rt-bez-vozmozhnosti-vosstanovleniya> (дата обращения: 10.10.2023).

ограничения на реализацию отечественной гуманитарной политики. В частности, в подобных обстоятельствах не может быть достигнута задача освещения гуманитарной деятельности России за рубежом.

«Широкое внедрение современных цифровых технологий», а также «продвижение за рубежом отечественных цифровых образовательных платформ и социальных сетей»,⁸ как отмечается в Концепции, в действительности, может стать инструментом повышения эффективности российской цифровой дипломатии. Однако важно учитывать реальный текущий потенциал России в информационной сфере с глобальным распределением информационных ресурсов.

С учетом названных в предыдущем разделе особенностей цифрового пространства у российской гуманитарной политики в рамках легального пространства существует три базовых и один вспомогательный сценарии гипотетического реагирования:

1) Формирование альтернативного информационного пространства. Такой сценарий напрямую зависит от технологической привлекательности и способностей отечественных платформ к привлечению пользователей по всему миру. Как известно, на текущий момент возможности подобного сценария присутствуют, однако они весьма ограничены постсоветским пространством с опорой на платформу VK. Если рассматривать дальнейшее распространение информационного присутствия отечественных платформ за рубежом (за пределами постсоветского пространства), то на данный момент оно затрагивает лишь маргинальные и немногочисленные преимущественно русскоговорящие группы, что выражает лингвистическую детерминированность VK. Кроме того, активное продвижение отечественных платформ как альтернативных площадок, скорее всего, столкнется с ожидаемой негативной реакцией со стороны западных стран, сопровождаясь процессом блокировки подобных ресурсов и дальнейшей изоляцией в вопросах репрезентации гуманитарной политики (и не только) как следствие.

⁸ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/ (дата обращения: 03.10.2023).

2) Конвергенция с информационным пространством других стран. Подобный сценарий подразумевает гипотетическое сотрудничество в рамках существующих платформ с другими акторами, к примеру, с КНР. Этот сценарий расширяет возможности ретрансляции российской гуманитарной политики на другие регионы, однако обладает значительным перечнем трудностей. Прежде всего они связаны с труднопрогнозируемым спросом на конвергенцию с другими акторами, что, помимо прочего, накладывается на проблему преодоления языковых и структурных барьеров. Вместе с тем, возникает вопрос дистрибуции влияния, который можно связать с проблематизацией того, чья платформа выступает источником конвергенции. Финальной же сложностью становится ограниченная репрезентация в рамках сформированного пространства, толкающего глобальную информационную сферу к дальнейшей региональной сегментации.

3) Восстановление статуса в глобальном пространстве. Выступает наименее реализуемым сценарием из-за своей зависимости от международно-политических факторов. Требуется изменения положения западных платформ в российском пространстве, что может быть вызвано лишь соблюдением ими российских норм и восстановлением диалога с регуляторами (что, вероятно, осуществимо лишь при труднодостижимой компенсации издержек от предпринятых ранее действий или односторонних уступках). Также требуется глобальное смягчение конфронтационных позиций и риторики акторов. При этом результатом сценария становится высокий уровень внешней зависимости («игра на чужом поле»), который, однако, обеспечивает более широкий доступ к информационному пространству чем 1 или 2 сценарий.

4) Вспомогательным сценарием выступает опора на «независимые» платформы. Данный сценарий также содержит высокую долю внешней зависимости, которая, вместе с тем, обусловлена не попыткой закрепления в чужом информационном пространстве, а стремлением к расширению информационного присутствия на альтернативных пользующихся спросом платформах, к примеру, Telegram. Вспомогательный характер этого сценария обусловлен тем, что он связан с независимыми от

осуществляемой страной политики переменными. Независимые платформы при негативной динамике цифрового пространства также могут оказаться за рамками правового или информационного поля целевых стран, либо превратиться в акторов с активной позицией гейткипера, противоречащей интересам российской гуманитарной политики.

Представленные сценарии являются гипотетическими моделями поведения в рамках осуществления гуманитарной политики. Вместе с тем, они указывают на наметившийся дисбаланс между задачами, отмеченными в Концепции гуманитарной политики РФ за рубежом, и реалиями современной цифровой среды. Даже при учете неосуществимости любого из сценариев в чистом виде, сами сценарии задают спектр, в рамках которого придется действовать политическим институтам при обеспечении российской публичной дипломатии, в частности, в интересах гуманитарной деятельности.

* * *

Подводя итоги, можно отметить большой перечень вызовов, стоящих при осуществлении гуманитарной политики перед Россией. Круг вопросов охватывает потребность в конкретизации и приоритезации направлений политики как в региональном, так и в содержательном аспекте. Также он включает необходимость учета специфики современной информационной среды, накладывающей фундаментальные ограничения на ретрансляцию действий в рамках гуманитарной политики, что противоречит, в свою очередь, тем приоритетам и задачам, которые отмечены в актуальной Концепции гуманитарной политики России. Дальнейшие действия требуют учета особой роли цифровых платформ, которые часто могут не выполнять свою роль «честного посредника», а становятся ограничителем при распространении информации.

По этой причине, при планировании процессов освещения гуманитарных действий необходимо учитывать актуальные возможности российской мягкой силы в реалиях современного информационного пространства. Все основные сценарии потенциального реагирования

отражают на данный момент значительные издержки, что неизбежно накладывает лимиты на эффективность ретрансляции гуманитарной политики. Следовательно, в рамках дальнейших действий целесообразной становится диверсификация информационных инициатив с опорой на вспомогательные сценарии в виде поиска цифровых посредников, имеющих независимый статус, даже с учетом меньшего охвата аудитории. Подобные формы реагирования на существующие условия позволяют сгладить издержки базовых сценариев, но также сопряжены с рисками (внешние запреты и статус гейткипера), требующими учета при формировании в цифровом пространстве образа страны.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Received: November 9, 2023

Accepted: December 12, 2023

DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-4-53-67

UDC: 369.032, 327

Public Administration / Research article

Problems and Issues of Humanitarian Policy Representation in the Era of Digital Uncertainty

Yury Y. Kolotaev, Assistant Professor, Department of European Studies,
School of International Relations, Saint Petersburg State University.
Saint Petersburg State University,
Smolny street, 1/3, entr. No. 8, Saint Petersburg, 191060, Russia.
E-mail: yury.kolotaev@mail.ru

Abstract: The article considers the problems of representation of the humanitarian policy achievements of the Russian Federation in contemporary fragmented information space conditions. Modern digital reality imposes multiple structural limitations on the objectives of the state's humanitarian activities abroad, expressed in the problems of forming the country's image through online platforms that actively hinder Russian soft power. The article aims to establish basic scenarios of response to the existing limitations in humanitarian policy representation. The methodological basis is scenario analysis with elements of agent-based modeling in describing the activities

of digital platforms in the information moderation process. The paper explores the problems of terminological pluralism associated with "humanitarian policy," as well as ideological and normative constraints imposed on Russian humanitarian activities. In addition, the paper describes the mechanisms of digital interference of online platforms in the information space and models three basic and one additional response scenario to such challenges. The basic scenarios include an alternative information space formation, convergence with the information space of other countries, and restoration of status in the global space. Each scenario has its own reputational and technical costs, partly addressed by the additional scenario based on less widespread but relatively independent information platforms. The main conclusion of this article is the need to develop a balanced approach within the framework of Russian humanitarian and information policy, taking into account the costs of all basic scenarios and relying on the current correlation between technical capabilities and defined objectives.

Keywords: crisis management, institutional design

Conflicts of interest: humanitarian policy, soft power, Russia, digital platforms, new media, gate-keeper, digital diplomacy

Список литературы / References:

Hill, J.F. (2012). A Balkanized Internet? The Uncertain Future of Global Internet Standards. *Georgetown Journal of International Affairs*, 49-58.

Kolotaev, Y., & Kollnig, K. (2021). Political Influence of Online Platforms: YouTube's Place in European Politics. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 14(2), 225-240. DOI: 10.21638/spbu06.2021.206

Ross Arguedas, A., Robertson, C., Fletcher, R., & Nielsen, R. (2022). *Echo Chambers, Filter Bubbles, and Polarisation: a Literature Review*. Reuters Institute for the Study of Journalism.

Srivastava, S. (2023). Algorithmic Governance and the International Politics of Big Tech. *Perspectives on Politics*, 21(3), 989-1000. DOI: 10.1017/S1537592721003145

Bokhan, A.S. (2021). Gumanitarnaya politika Rossii na sovremennom etape [Humanitarian policy of Russia at the present stage]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, 8(1), 152-162. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-1-152-162

Burlinova, N. (2023). Zapad ne priznayet za Rossiye prava na publichnuyu diplomatiyu [The West does not recognize Russia's right to public diplomacy]. RIAC. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-ne-priznaet-za-rossiey-prava-na-publichnuyu-diplomatiyu/> (accessed: 05.11.2023).

Velikaya, A.A., Semedov, S.A. (2020). Gumanitarnaya politika Sovetskogo Soyuza [Humanitarian policy of the Soviet Union]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel'-Observer*, 4 (363), 56-65.

Gromoglasova, E.S. (2018). Gumanitarnaya sostavlyayushchaya vneshney politiki gosudarstva [The humanitarian component of the state's foreign policy]. *Puti k miru i bezopasnosti*, 1 (54), 77-91. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-77-91

Литература на русском языке:

Бохан А.С. (2021). Гуманитарная политика России на современном этапе. *Проблемы постсоветского пространства*, 8(1), 152-162. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-1-152-162

Бурлинова Н. (2023). *Запад не признает за Россией права на публичную дипломатию*. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-ne-priznaet-za-rossiey-prava-na-publichnyu-diplomatiyu/> (дата обращения: 05.11.2023).

Великая А.А., Семедов С.А. (2020). Гуманитарная политика Советского Союза. *Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer*, 4 (363), 56–65.

Громогласова Е.С. (2018). Гуманитарная составляющая внешней политики государства. *Пути к миру и безопасности*, 1 (54), 77–91. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-77-91

Travel Industry After COVID-19 and Sanctions

BHAGYADHAR SETHY¹

Kalinga Institute of Social Science (India)

MALINI PRAVA SETHI²

Ravenshaw University (India)

Abstract

The article analyzes the declining outbound tourism from Russia in 2022 and 2023 and its effects on the states which introduced sanctions. First it reviews the data on the inbound and outbound tourism, then studies the impact of COVID-19 and sanctions on the tourism industry, the consequences of tourism decline on related industries and services including aviation, food, and accommodation. Finally, the article considers alternative destination places for Russian tourists including the expansion of internal tourism and policies favoring it to replace outbound destinations.

Keywords

Russia, tourism, sanctions, COVID-19, restrictions

Для цитирования

Bhagyadhar Sethy, Malini Prava Sethi (2023). Travel Industry After COVID-19 and Sanctions. *Governance and Politics*, 2(4), C. 68–80. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-4-68-80

¹ Dr. **Bhagyadhar Sethy** – Asst. Professor, Department of Political Science, Kalinga Institute of Social Science, (KISS)-DU, Bhubaneswar – 751024, Odisha, India.
E-mail: bhagyadhar.sethy@kiss.ac.in

² Dr. **Malini Prava Sethi** – Asst. Professor, Department of Geography, Ravenshaw University, Cuttack – 751003, Odisha, India.
E-mail: malinipravasethi@ravenshawuniversity.ac.in

Tourism destinations globally are witnessing a significant blow to their economies as many Russians prefer internal tourism due to special military operation (hereinafter SMO) related sanctions, with possible long-term effects on international tourism and economy of the countries which introduced sanctions against Russia. This comes as European countries with Russian borders say they may ban all Russian tourists. Russians were the world's seventh biggest tourist spenders before the pandemic³, splashing out US\$36 billion annually.

For more than two years, the tourism industry was badly affected due to the widespread COVID-19 that shattered the world. As COVID-19 largely subsided, the current situation connected with SMO and sanctions is noticeably affecting the smooth operation of tourism business because of the series of stringent sanctions.

In addition, at the height of the geopolitical confrontation, Russia does not appear as a popular vacation destination and will likely remain so in the coming years as sanctions have drastically cut foreign travel especially to and from the United States and Europe.

Long before these two factors, COVID-19 and Russia-Ukraine crisis, Russia made it comparatively easier for foreign tourists to visit the country. But still at least before the start of COVID-19, more Russians visited European and American cities than foreigners crossed into Russia.

Since last year, corporate directors of the hospitality industry have expressed their sentiments on the slow flow of clients, half-empty hotels and lack of sustainable tourism benefits. That however Russian officials unreservedly blamed the collapse of tourism on Western sanctions. The SMO in Ukraine is sending shockwaves through the global economy and latest analysis by the OECD⁴ shows that global economic growth could be set back by more than 1% this year due to the conflict and related sanctions.

³ International Tourism Highlights 2019 Edition. UNWTO. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284421152> (accessed: 30.09.2023)

⁴ Confronting inflation and low growth. OECD Economic Outlook, Interim Report September 2023. URL: <https://www.oecd.org/economic-outlook/september-2023/> (accessed: 30.09.2023)

Local Russian media reports indicated that the number of foreign tourists visiting Russia has drastically reduced especially last year due to the impact of Western sanctions imposed on the country following the SMO in the Ukraine. The Association of Tour Operators of Russia (ATOR) in its latest review report indicated that only 200.100 foreigners visited Russia in 2022. According to the latest report, citing figures from border services, it was a drop of 96.1 % from pre-pandemic years⁵. Most of Europe closed its airspace to Russian planes a few days after February 2022. Beginning in March 2022, Russian national carrier Aeroflot suspended its international flights, though it gradually resumed flights to “friendly countries”.

In 2022 only 842 Chinese tourists visited Russia. The number of international tourists in 2022 was lower than in the midst of the COVID-19 pandemic, when the country recorded 335.800 and 288.300 visits in 2020 and 2021 respectively. Tourists from Germany, Turkey and Iran topped the 2022 rankings. Even if 25.400 German tourists visited in 2022, this still represented about 20 times less visitors than in 2019⁶. Russia has been struggling to uphold its domestic tourism. Early February, Transportation Minister Vitaly Savelyev said at the meeting on developing domestic tourism with President Vladimir Putin that his ministry plans to boost the services of Russian airlines with incentives for more potential passengers in 2023.

The aim is to raise the total volume of traffic in order to adjust for the extended closure of the 11 airports in southern Russia. Savelyev said that airline passenger traffic exceeded 95 million travellers in 2022. As such, the ministry expects the indicator to grow 6% this year⁷. As pressures mount and combine in different ways in different destinations, tourism jobs, careers, and businesses are again at risk in many countries, especially those which introduced sanctions.

⁵ Иностраный турпоток в Россию в 2022 году сократился на 96,1%. URL: <https://www.atorus.ru/node/51298> (accessed: 30.09.2023)

⁶ Tourism collapses in Russia following Western Sanctions. URL: <https://english.alarabiya.net/News/world/2023/02/09/Tourism-collapses-in-Russia-following-western-sanctions> (accessed: 30.09.2023)

⁷ Transport Ministry expects Russian airlines to boost passenger traffic 6% in 2023. Interfax, 14/01/2023. URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/87222/> (accessed: 30.09.2023)

Inbound and Outbound Tourist

The Federal Security Service (FSB)'s Border Service additionally explained in its statistical report that approximately 200.000 foreign tourists visited Russia in 2022, down by 28.8% from the previous year. Most of the tourists came from Germany (25.300, or 33.4% less than the year before), followed by Turkey with 22.600 tourists (down by 2.5%) and Iran with 14.600 tourists, up 25 times from 2021⁸. Also in the top five are Kazakhstan (13.270 tourists) and Cuba (11.300). They are followed by Uzbekistan (8.860), Kyrgyzstan (6.600), India (6.400), the United States (5.580) and Armenia (5.200). In addition, Israel, Latvia, the United Arab Emirates, Serbia, Azerbaijan, South Korea, Turkmenistan, Italy, France and Lithuania are in the top 20.

Inbound tourism in Russia drastically decreased amid the coronavirus pandemic. The border closure in 2020 cut tourist arrivals by 93%, compared to 2019 when Russia was visited by over 5 million foreign tourists. There were 288.000 foreign tourist arrivals in Russia in 2021, or 14% less than in 2020. In order to save the industry, President Vladimir Putin held a meeting with cabinet members on January 24. The Kremlin said that development of domestic tourism in 2023 was the key topic of the meeting agenda. Minister of Economic Development Maxim Reshetnikov, Minister of Transport Vitaly Savelyev and Minister of Natural Resources Alexander Kozlov participated with reports.

Thousands of Russian tourists visit Asian beach resorts, as Thailand, the Philippines, India and Vietnam are ready to promote tourism. The crisis with Europe might further push Russian tourists to popular destinations in Asia and a few destinations in Africa. Thus, Russia is trying to develop and promote tourism.

According to statistics, Russian tourists spent over \$300 billion abroad over the past 20 years⁹, and their money could build domestic tourism

⁸ Russia sees almost 30% decline in inbound tourism in 2022 - Border Service. Interfax. 08/02/2023. URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/87765/> (accessed: 30.09.2023)

⁹ Russian tourists spent over \$300 bln abroad over past 20 years. 31/03/2022. URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/77668/> (accessed: 30.09.2023)

infrastructure. Experts also argue that the Russian tourism infrastructure has been demonstrating some growth over the past year, and it is important not to lose this pace under the current circumstances.

Federal Agency for Tourism, which promotes tours – both domestic and foreign – underscored steps taken by the Russian government to put tourism back on track including subsidy offers for local destinations, an effort towards encouraging and promoting domestic tourism, which is safe and offers comfortable conditions for Russian tourists, during the forthcoming seasons.

Analysts expect tourism business to develop considerably inside Russia. The sanctions against Russia threaten several tourist destinations that rely on Russian visitors. In order to attract inbound tourists amid sanctions it is necessary to simplify travel rules and regulations for visiting the country.

Industry experts suggested that travel and tourism connect people and bring the world closer through shared experiences, cultural awareness and community building. It provides jobs, spurs regional development, and is a key driver for socio-economic progress. Here is the choice between the emerging multi-polar and an isolated world. Unfortunately Russia's membership has been stripped off from some international organizations, i.e. the Executive Council has suspended Russia's membership from the United Nations World Tourism Organization¹⁰.

Impact on tourism sector

The tourism sector, which directly accounts for nearly 7% of jobs in the OECD is likely to be among the hardest hit again¹¹. Globally, air travel stopped almost entirely during the pandemic.

In 2020, there were 1 billion fewer international trips with only marginal improvement in 2021. For two years, this has meant millions of tourism jobs, careers and businesses have been put at risk or on hold in the world's most popular destinations. Many relied on emergency government support for their survival.

¹⁰ World Tourism Organization (UNWTO) Members Vote to Suspend Russia. URL: <https://www.unwto.org/news/unwto-members-vote-to-suspend-russia> (accessed: 30.09.2023)

¹¹ More Tough Times Ahead For The Tourism Sector URL: <https://oecdorgito.blog/2022/04/08/> (accessed: 30.09.2023)

2021 provided the industry with the promise of a new dawn. As travel restrictions eased, visitors started making grand plans. A higher intent to travel in 2022 than pre-pandemic in all five markets covered by their survey (the United States, United Kingdom, Australia, Singapore and Japan), and a higher average spendings per trip too. Demand for international air travel in January 2022 was up 165% compared to January 2021, and February's ticket sales pointed to continued steady growth. Tourism was back in business, with expectations of a return to pre-pandemic levels by 2024¹².

The sanctions following the SMO in Ukraine now pose major challenges for tourism businesses still recovering from the pandemic. They can hold back the fragile tourism recovery and add uncertainty about future prospects and investment. The Russian outbound market, worth EUR 32.5 billion to destination markets pre-pandemic, is the sixth largest in the world but with a higher ranking in countries such as Estonia, Finland, Latvia, Lithuania, and Poland, where travel restrictions are in place¹³.

Even destinations that remain open to Russian airlines such as Israel and Turkey will be affected as Russian tourists are challenged by restrictions on card payments and volatility in the rate of the rouble.

Flight bookings within Europe fell by 23% in February 2022, and flights to Europe from the United States were down 13%. Countries close to Russia and Ukraine – Bulgaria, Croatia, Estonia, Georgia, Hungary, Latvia, Lithuania, Poland, Slovakia and Slovenia have seen a 30-50% collapse in bookings¹⁴.

Second, the closure of Russian airspace has added time and cost for many companies travelling between Europe and Asia, discouraging long-haul trips. The European air traffic manager estimates that avoiding Russian airspace for a flight between Paris and Tokyo, adds more than 1000 nautical miles and 150 minutes¹⁵.

Businesses including hotels, restaurants and tour operators 85% of which were already in a fragile financial situation, after a tough two years in which they ran down their reserves and ran up debts during long periods of closure.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Asia-Europe flight paths continue to face disruption. Financial review. URL: <https://www.afr.com/business-summit/asia-europe-flight-paths-continue-to-face-disruption-20220307-p5a2ge> (accessed: 30.09.2023)

Many now lack financial buffer to absorb these price shocks, especially since emergency support measures which succeeded in supporting many jobs and firms during the pandemic have been lifted in many countries.

The UNWTO stated tourism is “a bridge to understanding. It has a unique capacity to promote peace between peoples around the world.”¹⁶ But sanctions spoil tourism development, movements of peoples and globalization. All tourism stakeholders from immediately affected countries and governments that rely heavily on tourism to private-sector travel operators should work together to overcome the short, medium, and long-term challenges to come.

The main effect has been felt over the availability of oil. The dependence of Europe and the USA on Russia for energy sources and the closing of this commercial relationship have meant a big increase in transportation and food production costs, which severely affected their domestic economies.

Many long-haul flights are not being offered. Therefore there is less supply and demand for international travel, and any remaining flights available have become significantly more expensive. Due to longer flights and higher fuel costs International trade has changed abruptly. There have been severe disruptions to air connectivity, and trade with Russia has been blocked with immediate effect. The butterfly effect has not been long coming: rising oil prices, falling incomes, inflation.

With the blockade over Russian airspace, usual journeys have been turned into longer trips that demand higher fuel costs, leading to price increases or even cancellations. The USA, Canada, Europe, and other countries have established restrictions on flying over Russian airspace. As a result, routes from Japan to Europe fly across the Pacific and over Alaska, a much longer flight. Japan Airlines has decided to cancel flights due to more flight hours and higher fuel costs at a critical time as Japan Airlines tries to recover from the devastating impact of the pandemic. On the other hand, there are also instructions not to give coverage to Russian airlines.

¹⁶ Tourism Raises Its Voice For Peace. 18/12/2022 URL: <https://www.unwto.org/news/tourism-raises-its-voice-for-peace> (accessed: 30.09.2023)

The global travel and tourism industry providers, Sabre and Amadeus, have removed Aeroflot from their reservation systems. However, these measures do not affect Russian airlines operating with foreign-registered aircraft or on domestic flights. The psychological impact of crisis commonly leads to fear of travel, as has happened previously. However, this time, it has coincided with the end of the COVID-19 pandemic. The instability caused by the conflict in the Ukraine generates uncertainty, which, in turn, slows down travel. There have already been the first cancellations in Europe as fear is affecting travel. This impact is expected to be localized, however, with a greater impact on the countries in the immediate vicinity: Russia and Eastern Europe and countries such as Poland or Finland.

High dependence on Russian energy led to raised prices, especially in some countries more than others (in the whole EU, Russian gas represents 40% of the energy supply, although, in some countries such as the Czech Republic and Latvia, it rises to 100%). The energy sector, food, financial markets, and economic growth are strongly affected. The International Monetary Fund will soon update the World Economic Perspectives. But inevitably, there will be further monetary tightening coupled with a recession. Expected inflation will cause people domestically to focus their income on the basics, such as food and energy. It is therefore highly likely that the public will reduce spending on travel.

The closure of airspace, economic sanctions decreed by Western governments against Russia, and the blocking of credit cards and SWIFT transfers, have left Russian tourists in a complicated situation during outbound travel. At the same time these restrictions influence the inbound travel to Russia. Thus the immediate effect is the decrease of tourism flows.

The importance of Russia to the Spanish tourism market used to be high. After the pandemic, hopes of recovering Russian tourism were rising. In 2019, Spain received more than 1.3 million Russian visitors. The most demanded destinations by these customers are Barcelona, Alicante, Madrid, and Malaga, with an expenditure of 1.1 billion euros¹⁷. With Aeroflot and Siberia Airlines

¹⁷ Russia-Ukraine conflict: how will the developing conflict affect tourism?. URL: <https://alandistravel.com/trends/russia-ukraine-conflict-effect-on-tourism/> (accessed: 30.09.2023)

(the leading company in Russia-Spain travel) paralyzed, there are no Russian travellers. The important impact here is not the number of arrivals, but the loss of expenditure, given that Russian tourists are the biggest spenders in Europe. Cuba also feels an economic blow from departing Russian tourists. One of the first destinations with which Russia established connections after the pandemic was Cuba. Russia has become the leading source of tourists for Cuba (63% in the first semester of 2020) especially Varadero with direct flights scheduled weekly. With airspace closure, Russia has cancelled all flights to the island. It's a further complication for Cuba, which was already in a difficult situation. What's more, tourism was not Cuba's only financial link with Russia. Between 2006 and 2019, Russia offered Cuba export credits worth \$2.3 billion to finance projects in the fields of energy, metallurgy, transport, and the supply of goods necessary for the development of the island's economy¹⁸.

Impact on specific industries

The aviation industry has been hit hard. The industry is not only affected by fuel increases or airspace restrictions. European companies stop leasing 512 aircraft to Russia due to sanctions out of a total of 861¹⁹. Aircraft manufacturers and maintenance companies are not far behind in the supply of new aircraft and spare parts. One of the most important events in this sector is the Farnborough International Airshow, which has suspended Russian participation in this year's event, to be held in July outside London.

Airlines from countries such as the United Arab Emirates, Qatar, and Serbia are among the few that continue to serve Russian destinations regularly. Lufthansa, Germany's largest airline, states that "flights to the Far East may be subject to short-term changes in departure and arrival times due to the rescheduling of flight routes." Flights to the South Korean capital or Tokyo will take 90 minutes longer than usual²⁰.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Russia-Ukraine conflict: how will the developing conflict affect tourism? URL: <https://alandistravel.com/trends/russia-ukraine-conflict-effect-on-tourism/> (accessed: 30.09.2023)

Rental Accommodation. There has been a drastic drop in demand for rental apartments. Brian Chesky, CEO, and co-founder of Airbnb maintained that the rental platform would suspend all operations in Russia and Belarus.

Travel & Tour Operators. Cancellations for travel to Russia were made by companies such as G Adventures until at least the end of 2023. Its founder, Bruce Poon-Tip, called for more pressure on Russia by banning Russian tourists from travelling with small groups and agencies²¹. The big European tour operator TUI has been directly involved as a member of its supervisory board Alexei Mordashov (with 34% of TUI) was forced to resign, after EU sanctions²². The reality is that international travellers are cancelling their vacations to northern and eastern Europe.

Food & Drink. Russia and Ukraine together account for 14% of world wheat production and about 30% of world wheat exports. They are known as the breadbasket of Europe. Food supplies of this commodity are already being affected in terms of consumption. Due to the paralysis of ports and cargo flights, there has already been a shortage of key products such as oils and livestock feed, resulting in high costs. Food & drink supply chains have been disrupted; logistics companies have halted their shipments of goods, and air transport costs have skyrocketed.

Insurances. In response to global sanctions against Russia and risks to the Russian economy, insurers around the world will not be able to carry out their contractual responsibilities. Crucial insurance for companies or business partners in Russia has been discontinued.

Tourism Issues. The EU has already suspended the European Union-Russia visa facilitation agreement²³, which made it relatively easy for Russians to obtain travel documents. Earlier sanctions had included bans on EU and Russian airlines flying to and from Russia²⁴. They also limited Russian tourists access to international credit overseas²⁵.

²¹ Ibid.

²² Russian billionaire Alexei Mordashov quits Tui board after EU sanctions. URL: <https://www.theguardian.com/business/2022/mar/03/russian-billionaire-alexei-mordashov-quits-tui-board-eu-sanctions-putin-ukraine> (accessed: 30.09.2023)

²³ EU foreign ministers agree to suspend visa travel deal with Russia. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/aug/31/eu-foreign-ministers-agree-to-suspend-visa-travel-deal-with-russia> (accessed: 30.09.2023)

²⁴ Russian airlines to be banned from most European airspace. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/27/germany-and-italy-are-latest-to-ban-russian-aircraft-from-airspace> (accessed: 30.09.2023)

²⁵ Mastercard and Visa block in Russia does not stop domestic purchases. URL: <https://www.theguardian.com/business/2022/mar/06/russians-visa-mastercard-ban-domestic-purchases-mir> (accessed: 30.09.2023)

Many wealthy Russian tourists have switched to trips to Dubai. However, high-end shops in New York, London and Milan, and in glitzy destinations like St. Moritz and Sölden and popular spa towns such as Karlovy Vary in the Czech Republic, are missing the business of the wealthiest Russian visitors. On the French Côte d'Azur, luxury boutique hotels and expensive seafood restaurants have experienced a drop in business. They have not been able to replace Russian tourists with enough travellers from countries such as Bahrain.

Smaller countries, which hosted large numbers of Russian tourists as lockdowns eased, including Cyprus, the Maldives, Seychelles and the Dominican Republic found their post-pandemic tourism recovery short-lived. Cyprus, whose service industry including tourism, accounts for more than 80% of the economy is at risk of losing up to 2% of annual GDP if Russian tourists do not return to the country. Cuba saw an increase of 97.5% in Russian tourists in 2021, according to the country's National Office of Statistics and Information²⁶. When that market collapsed, Cuba's economic recovery plans were hit. Russians were expected to account for 20% of Cuba's visitors in 2022, with far fewer tourists visiting the resort of Varadero.

According to the results of the first six months of 2023, the inbound tourist flow to Russia from abroad increased by 100 thousand trips of foreigners compared to the same period last year²⁷.

The tourist exchange between Russia and the Western countries is expected to be relatively frozen, on the other hand, the outbound tourism with other countries, the majority of the world (Turkey, Egypt, CIS countries, China, South-East Asia, etc.) will begin to grow as well as the domestic Russian tourism.

* * *

It is too early to determine the true impact of COVID-19 and sanctions on the world. It is necessary to study the evolution of events to evaluate the possible consequences and establish necessary adjustments. From COVID-19,

²⁶ The disappearing Russian tourist. URL: <https://asiatimes.com/2022/09/the-disappearing-russian-tourist/> (accessed: 30.09.2023)

²⁷ Foreign tourist flow to Russia increased by 130% over the year. RTG. URL: <https://russtd.com/foreign-tourist-flow-to-russia-increased-by-130-over-the-year.html>

the sanctions and its effects on the international economy, it is obvious that countries introducing sanctions will be mostly affected. Europe's image will also be affected, but, as experts say, it will not be an impact like the one caused by the COVID-19 pandemic.

Tourism will not grow with the same expectations but not because of the lack of travel or the recess that will continue as long as the sanctions last, but rather because of the lack of Russian tourism that will leave some destinations without essential income, as is the case of Cuba, the Spanish coast or countries like Turkey. If Russian tourists switch to other internal and external destinations and the tourist business makes logistical adjustments, it will be difficult to switch back to the previous tourist schemes.

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Получено в редакции: 8 октября 2023 г.

Принято к публикации: 2 ноября 2023 г.

DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-4-68-80

УДК: 327, 379.85

Международные отношения / исследовательская статья

Туристическая отрасль после КОВИД-19 и санкций

Бхагьядхар Сети, доктор наук, доцент кафедры политологии,
Институт социальных наук Калинги (KISS-DU),
Бхубанешвар – 751024, Одиша, Индия.
E-mail: bhagyadhar.sethy@kiss.ac.in

Малини Права Сети, доктор наук, доцент кафедры географии
Университета Равеншоу, Каттак – 751003, Одиша, Индия.
E-mail: malinipravasethi@ravenshawuniversity.ac.in

Аннотация: В статье анализируется спад выездного туризма из России в 2022 и 2023 годах. Сначала рассматриваются данные по въездному и выездному туризму, затем изучается влияние пандемии COVID-19 и санкций на туристическую отрасль, последствия уменьшения туристических потоков для смежных отраслей и услуг, на авиационную промышленность, сферу услуг и жилья. Показано, что санкции негативно влияют на экономику стран, которые

их ввели. Сделан вывод, что туристическая отрасль в России предлагает альтернативные направления внутри России и в Азии, а политика государства способствует замене выездного туризма внутренним, поэтому туристический бизнес в России продолжает развиваться.

Ключевые слова: Россия, туризм, санкции, COVID-19, ограничения

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Список литературы / References:

Bowen D., Zubair S., Altinay L. (2017). Politics and tourism destination development: The evolution of power. *Journal of Travel Research*. Vol. 56, N 6. P. 725-743. DOI: 10.1177/0047287516666719

Seyfi S., & Hall, C. M. (2020). Sanctions and tourism: Conceptualisation and implications for destination marketing and management. *Journal of Destination Marketing & Management*, Vol. 15. 100381. DOI: 10.1016/j.jdmm.2019.100381

Seyfi S., Hall C. M. *Tourism, sanctions and boycotts*. – Routledge, 2019.

Seyfi S., Hall C.M., Saarinen J., Vo-Thanh T. et al. (2022). Do international sanctions help or inhibit justice and sustainability in tourism? *Journal of Sustainable Tourism*. P. 1-18. DOI: 10.1080/09669582.2022.2069785

Информация для авторов

Журнал «Управление и политика» принимает к публикации оригинальные и отличающиеся новизной и научной ценностью рукописи по политической теории, проблемам и трансформации политических институтов и процессов, вопросам политической идеологии, международной политики и государственного управления.

Рукописи принимаются в электронном виде на сайте журнала, где также подробно изложены требования к подаче рукописей: www.gr-mgimo.ru, а также по почте: gr@inno.mgimo.ru

В журнал принимаются исследовательские и аналитические статьи, теоретические и обзорные статьи, книжные рецензии.

Требования к рукописям:

- Представление статьи в журнал «Управление и политика» подразумевает, что: статья не была опубликована ранее в другом журнале, статья не находится на рассмотрении в другом журнале, все соавторы согласны с публикацией текущей версии статьи;

- объем без метаданных – 40 тыс. – 80 тыс. знаков;
- Microsoft Word (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 интервал;
- статья имеет следующую структуру:
 - ФИО автора и место работы (имя, степень, должность, полное наименование организации с почтовым адресом, e-mail) в отдельном файле .doc;
 - краткое название, отражающее ключевую проблему статьи;
 - аннотация (200-250 слов), которая должна содержать краткое изложение статьи и включать ключевые слова (8-10). Она должна содержать цель, исследовательский вопрос, методы и результаты исследования;
 - текст статьи должен быть логически разделен на несколько частей: введение (содержит цель статьи, исследовательский вопрос, объяснение, почему этот вопрос важен, обзор литературы); методология (методы исследования, теоретическая база, этапы исследования); результаты (результаты исследования представлены в логической форме); обсуждение (оценка результатов, их актуальность, важность и ограничения), заключение;
 - автор обязан сообщить редакции о потенциальном конфликте интересов, указав такую информацию. При отсутствии конфликта интересов автор добавляет в конце статьи следующую фразу: «Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов»;
 - Рисунки и таблицы не должны быть отсканированы, и должны быть редактируемы. Картинки должны быть высокого качества и присылаться отдельно (форматы .jpg или .png). Рисунки и таблицы должны нумероваться и иметь отсылку к ним в тексте, а также источники данных. В рукописи должно быть указано, где следует разместить каждый рисунок/таблицу/рамку, например: <рисунок 1.1 здесь>. Изображения с низким разрешением 72 dpi (из Интернета) не принимаются. Ответственность за получение разрешения на использование изображения лежит на

авторе. Автор несет исключительную ответственность за точность используемых изображений и/или карт. Если рукопись содержит специальные символы (китайские, арабские, символы, математические символы и т.д.), то необходимо предоставить PDF-версию рукописи и указать используемые специальные шрифты;

- Список литературы должен быть составлен в алфавитном порядке. Он включает научную литературу, аналитические отчеты и статьи в научных журналах. DOI следует указывать в конце ссылки. Ссылки на статистические данные, отчеты, законодательные документы, интернет-ресурсы должны быть оформлены в виде сносок с полным описанием и URL-адресом в постраничных ссылках. В журнале приветствуются ссылки на надежные источники, научные статьи, опубликованные в авторитетных журналах.

Журнал использует стиль ссылок APA:

примеры:

в тексте: (Иванов, 2021, с. 3-4) ... (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

в списке литературы:

Smith, K., Fox, R. (2021). *Book in Political Science*. Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

Подробнее: <https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

Литература на русском языке дается в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82, а также дается в транслитерации с переводом на английский язык

Brief Author's Guide

Peer-reviewed and open-access journal Governance and Politics welcomes submissions of original and outstanding research manuscripts in the field of political science.

The Journal is focused on political theories, political institutions and processes, political ideology, international politics, public administration and governance.

The Journal is published by the School of Governance and Politics of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) and is of relevance to academia, practitioners and policymakers. Only manuscripts of sufficient quality, relevant research question and sound methodology that meet the aims and scope of Governance and Politics will be subject to a double-blind peer-review.

The requirements for a research article are the following:

- the submission of an article implies that it has not been published earlier in another journal or book, is not under consideration in another journal, has no more than three co-authors, all of whom agree with the publication of the submitted version of the article;
- length of the article without metadata: 40,000 – 80,000 symbols (with spaces);
- Microsoft Word format (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 interval;
- the article has the following structure:
 - author's full name and affiliation (name, degree, occupation, ORCID, full affiliation with postal address, e-mail) in a separate .doc file;
 - short title reflecting the key problem of the article;
 - abstract (200-250 words). The abstract should provide a brief summary of the paper and include all keywords (8-10). It should contain *the purpose, research question, methods, and results of the research*;
 - the text of the article should be logically divided into several integral parts: introduction (*contains the aim of the article, research question, discussion on why this question is important, literature review*); methodology (*research methods, theoretical basis, stages of research*); results (*the results of research are presented in a logical way*); discussion (*assessment of the results, their relevance, importance and limitations*), conclusion;
 - the author is obliged to inform the editors about a potential conflict of interest by indicating such information. *If there is no conflict of interest, the author adds the following phrase at the end of the article: The author declares the absence of conflict of interest*;
 - • Figures and tables should not be scanned so that they could be edited. Pictures should be of high quality and sent separately (.jpg or .png). *Figures, tables and pictures should have number and reference in the text as well as a source of data. A manuscript should indicate where each figure/table/box should be placed, e.g. <figure 1.1 here>. Images with low resolution at 72dpi (internet sourced) are not accepted. It is the author's responsibility to obtain permission for the use of image. The author is solely responsible for the accuracy of the images and/or maps used. If manuscript contains special characters (Chinese, Arabic, Cyrillic, characters not generally used in Western European languages, symbols, mathematics etc.) then a PDF version of the manuscript needs to be submitted and the special fonts used need to be listed*;

- **References:** List of references should be composed alphabetically. It includes academic literature, analytical reports and articles in academic periodic journals. DOIs should be given in the end of a reference. References on statistics, reports, legislative documents, internet resources should be organized as footnotes with full description and URL.

The Journal uses the APA style of references:

examples:

in the text: (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

in References:

Smith, K., Fox, R. (2021). **Book in Political Science**. Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

For more examples and references instructions:

<https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

© МГИМО МИД России

СМИ зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 июля 2022 г., серия ПИ № ФС77-83595 (онлайн-версия, сетевое издание: 13 июля 2022 г., серия Эл № ФС77-83596)

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес редакции: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д.76,
Факультет управления и политики,
+7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции

Периодичность – 4 номера в год

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
Подписано в печать: 25.12.2023
Тираж 200 экз. / Объем 7,46 усл. п.л. / Заказ № 1702

© Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76,
School of Governance and Politics.
Phone/fax: +7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Authors' point of view may not coincide with that of the Editorial Board's one

Published by MGIMO University Press